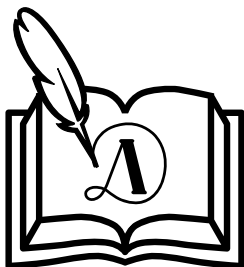

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

ХРАБРЫЕ СЛАВНЫ ВОВЕКИ!

*Стихотворения поэтов XVIII—XIX веков
о военной доблести русского народа*

Художник Г. В. Акулов

МОСКВА
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
2011

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)1-5
Х-88

Составление, вступительная статья и комментарии
В. Я. КОРОВИНОЙ

Х-88 Храбрые славны вовеки! : стихотворения поэтов XVIII—XIX веков о военной доблести русского народа / [Сост., вступ. ст. и коммент. В. Я. Коровиной] ; худож. Г. В. Акулов. — М. : Дет. лит., 2011. — 186 с. : ил. — (Школьная библиотека).

ISBN 978-5-08-004586-8

В книгу вошли стихи поэтов XVIII—XIX веков, воспевающих славу русских воинов, не однажды побеждавших врага, являя чудеса храбрости и превосходя противника умением, сноровкой и упорством.

Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)1-5

© Коровина В. Я., составление, вступительная статья, комментарии, 1985
© Акулов Г. В., наследники, иллюстрации, 1985
© Оформление серии. ОАО «Издательство «Детская литература», 2011

ISBN 978-5-08-004586-8

«ТОЛЬКО ДОБЛЕСТЬ БЕССМЕРТНО ЖИВЕТ...»¹

Хвала возвышенным певцам!
Их песни — жизнь победам,
И внуки, внемля их струнам,
В слезах дивятся дедам...

В. Жуковский

Истинная поэзия всегда была голосом народа, выражала его чувства, мысли и чаяния, оплакивала утраты и воспевала победы. Поэты воодушевлялись славными делами сограждан. И конечно, войны, требовавшие наивысшего напряжения всех народных сил, не оставляли поэзию равнодушной и безучастной к бедам и страданиям народа, к его доблести и мужеству.

Славные страницы описаний исторических битв России во имя защиты Отчизны, мирного труда на земле отцов и дедов открывают нам летописи, «Слово о полку Игореве».

В «Слове...» мы слышим голос прошлых поколений, вместе с участниками сражений соперееживаем их победы и поражения, радуемся отваге Игоря и Всеволода, мудрости Святослава, «изронившего свое златое слово».

---

¹ Статья печатается в сокращении.

Традиции «Слова о полку Игореве» глубоко восприняты всей русской литературой.

Так, Михаил Васильевич Ломоносов в «Оде... на взятие Хотина 1739 года» славит подвиги русских воинов. В оде нашли отражение государственно-патриотические идеалы поэта, который хотел видеть Россию единой, сильной и монолитной. Победу над грозной турецкой крепостью Хотин поэт объясняет единством духа народа, готовностью каждого не пожалеть своей жизни ради Отчизны:

Крепит Отечества любовь
Сынов российских дух и руку...

Уверенность в том, что в минуты сурового противостояния, наибольшей опасности для родной земли русский народ готов на беспримерный героизм, передана поэтом в описании кровопролитных боев и жесточайших испытаний в битвах.

Радуюсь бегству грозного врага, Ломоносов показывает его страх перед стойкостью, твердостью и доблестью русских воинов. Поэт саркастически вопрошает: «Где ныне похвальба твоя? Где дерзость? где в бою упорство? Где злость на северны края?» Ликование поэта в связи с победой русских войск усиливается ироническим отношением к врагу, удивлявшим ранее похвальбой, злостью, дерзостью, а ныне насмерть испуганного.

Победа, русская победа!
Но враг, что от меча ушел,
Боишься собственного следа.

В конце оды звучит мысль о единении чувств простых людей и поэта. Ломоносов понимает, что вместе с ним и крестьянин, и пастух хвалят солдатскую

храбрость русского воинства. Автор оды подчеркивает, что победа необходима для будущего страны, развития ее науки и культуры. Так у Ломоносова рядом с темой войны мощно звучит тема мира.

Поэтические идеи Ломоносова были подхвачены Гаврилой Романовичем Державиным. Одним из главных героев его поэзии стал прославленный военным искусством А. В. Суворов. В стихотворении «На взятие Измаила» поэт откликается на одно из самых грандиозных по своим масштабам сражений. Подвиги героев подобны, по словам поэта, извержению Везувия и бурному, неостановимому потоку, несущемуся весной с гор в долину. Все сметая на своем пути, герой готов пренебречь личной судьбой, молча принять смерть, но не посрамить Отчизны и сокрушить врага. Броские метафоры, картинные, живописные эпитеты, контрастные сравнения помогают поэту создать образ бесстрашного воинства.

Какая в войсках храбрость рьяна!
Какой великий дух в вождях!
В одних душа рассудком льдына,
У тех пылает огонь в сердцах...

В час смертельной схватки каждый солдат становится героем.

Державин, перекликаясь с Ломоносовым, утверждает, что русскому человеку не свойственно жаждать войн, но он всегда готов встретить решительным отпором любое посягательство на свободу родной земли, и это помогает ему выстоять в борьбе и победить.

Как и Ломоносов, Державин, вдохновляя соотечественников, вспоминает давнопрошедшие времена. Углубляясь в прошлое, он находит там истоки

беспримерной храбрости русских людей и воздает им заслуженную дань.

Поэт преклоняется перед русскими воинами, которые не однажды одолевали врага малым числом, являя чудеса храбрости и превосходя противника умением, сноровкой, терпением и упорством. «Нас горсть, — но полк лежит пред нами; нас полк — но с тысячью и тьмами мы низложили город в персть¹». Это вызывает восхищение поэта и уверенность, что

...слава тех не умирает,
Кто за Отечество умрет...

Судьба России сложилась так, что ей пришлось не однажды защищать свои границы от захватчиков, посягавших на ее территориальную целостность и свободу.

Особенно мощно патриотическая тема зазвучала в Отечественную войну 1812 года. Русская поэзия отразила важнейшие события этой национальной эпопеи — битвы за Смоленск и при Бородине, пожар Москвы и изгнание Наполеона.

Не было, пожалуй, ни одного поэта, который бы не откликнулся на грозную опасность, нависшую над Родиной. Символом России стала древняя Москва.

Константин Николаевич Батюшков скорбно писал о расхищенном французами городе, о горе людей, о пожарищах («К Дашкову»).

Освобождение Москвы вызвало ликующее стихотворение поэта старшего поколения — Ивана Ивановича Дмитриева, воображение которого нарисовало гордо возвышающуюся на холмах золотую столицу. Ее честь восстановлена славными

---

¹ Персть — прах, пыль (*устар.*).

гражданами Отчизны, и в них поэт видит красоту и величие.

Сыны твои, любимцы славы,
Красивы, храбры, величавы...

Он вспоминает трудные былые годы, когда народ встал на защиту сердца России — Москвы, как Пожарский отвел от Москвы угрозу.

Везде летает он орлом —
Там гонит, здесь разит, карает,
Удар ударом умножает...

В его памяти возникает не только образ Пожарского — воина, победителя, мужественного и бесстрашного, — но и честного гражданина:

А ты, герой, пребудешь ввеки
Их честью, славой, образцом!

Именно это соединение благородных черт прославленного полководца и доблестного патриота дает право сказать поэту о том, что им будут гордиться будущие поколения и последуют его примеру.

Осветит новый луч вселенну —
И воин, от твоей крови,
Тебя вспомнит, возгордится
И паче, паче утвердится
В прямой к Отечеству любви!

Во время народного подъема, рожденного желанием защитить Отечество, многогранно раскрылся талант военачальников. Среди них первое место принадлежит М. И. Кутузову, назначение которого в 1812 году на должность главнокомандующего приветствовала вся Россия.

Мудрость, простодушное лукавство Кутузова-полководца, любимца солдат, своеобразно отразились в произведениях Ивана Андреевича Крылова.

Так, басня «Волк на псарне», связанная с реальными событиями, обошла всю русскую армию и была встречена ею с восторгом. Наполеон, как известно, предчувствуя поражение, запросил мира, но встретил отказ Кутузова. В басне лицемерию хищника-врага противопоставлена спокойная уверенность старого ловчего, легко распознающего хитрость волка.

Не менее язвительна басня «Ворона и Курица», осуждающая тех, кто думал остаться в стороне от великой борьбы за освобождение Родины. Они, как пророчески предсказывал баснописец, не только поступаются своим добрым именем, но и рискуют жизнью, которую не пощадит неприятель-захватчик.

В грозных событиях 1812 года раскрылась душа русского человека. Каждый патриот воспринял их исключительно лично. Тема защиты Отечества зазвучала как глубоко внутренняя, затрагивающая каждого гражданина. Именно так воспринял Отечественную войну 1812 года Василий Андреевич Жуковский. В стихотворении «Певец во стане русских воинов» одические интонации совмещаются с элегическими. В них открываются сокровенные признания человека, переживания которого преисполнены национальной гордостью. Сам певец находится среди воинов, и ему близки и дороги настроения, ведущие в бой офицеров и солдат. Вдохновляя и ободряя воинов, он прозорливо и мужественно утверждает:

Хвала вам будет оживлять
И поздних лет беседы.

«От них учитесь умирать!» —
Так скажут внукам деды...

Не только Жуковский, но и другие поэты в годы тяжких испытаний становились воинами армии или народных ополчений. В стихотворении «Переход через Рейн. 1814» Константин Николаевич Батюшков писал об освободительной миссии русского солдата. Прогнав врага со своей земли, «сыны снегов» одновременно дарят независимость другим народам, например народам, населяющим рейнские берега.

И час судьбы настал! Мы здесь, сыны снегов,
Под знаменем Москвы, с свободой и громами!..

Среди поэтов, особенно отличившихся в Отечественной войне, выделяется Денис Васильевич Давыдов.

Профессиональный воин, один из создателей партизанского движения, Давыдов поэтически передал лучшие свойства русского национального характера: широту, удаль, беспримерную храбрость, сметку и решительность. Хотя он не считал себя поэтом («Я не поэт, я — партизан, казак. Я иногда бывал на Пинде, но наскоком...»), но отразил в лирике психологически конкретную личность воина-патриота, всей душой преданного своей Родине. Он и сам был необыкновенным человеком. Молодежь тянулась к нему, стремилась подражать, а поэты и художники еще при жизни Давыдова воздавали ему заслуженную хвалу. Пушкин называл его «своим отцом и командиром», «певцом и героем», первым поэтом среди военных и первым военным среди поэтов. Баратынский величал Давыдова «певцом-наездником, именем которого справедливо гордятся поэты и воины»,

Грибоедов утверждал, что в Петербурге «нет такой буйной и умной головы...». Его слава перешагнула пределы России: о нем в сочинении о Наполеоне, как о легендарном черном капитане, подвиги которого «вполне достойны удивления», писал известный английский романист Вальтер Скотт.

После войны 1812 года расцветает поэзия декабристов. Можно сказать, что Отечественная война стала ее истоком, как и прародительницей декабристской идеологии в целом. Одно из значительных мест в ранней лирике декабристов принадлежит Федору Николаевичу Глинке. Его творческий путь начался задолго до начала войны, но во время и после нее дарование поэта окрепло. Глинка вступил в ряды русской армии в 1812 году, когда неприятель приблизился к Смоленску, затем сражался на полях Бородина, проделал с русскими войсками и весь путь освобождения России от неприятеля. Его дневники были впоследствии опубликованы («Письма русского офицера») и принесли автору широкую известность. Отечественной войне поэт посвятил военно-патриотические гимны, песни, проникнутые торжественным гражданским пафосом.

Глинка изображал войну 1812 года как войну народную. Национально-освободительный порыв помог поэту понять, что народ явился главной движущей силой всего исторического момента. Так, «Военная песнь, написанная во время приближения неприятеля к Смоленской губернии» передает возмущение народа, которому грозит враг «рабством и ярмом», мечом и пламенем. Призыв поэта сомкнуться «в ратном строе» звучит присягой, клятвой.

Друзьям, Отечеству, народу
Отыщем славу и свободу,
Иль все падем в родных полях! <...>

И всех, мне мнится, клятву внемлю:
Забав и радостей не знать,
Доколе враг святую землю
Престанет кровью обагрять!

Военно-патриотические песни Глинки воссоздают многие важнейшие моменты Отечественной войны 1812 года. Поэт признается в одном из примечаний, что он свои военно-патриотические песни «старался приспособить к любимым песням народным».

Презрение к врагу и гражданская доблесть — высокие свойства передового человека — воспеты в поэзии Кондратия Федоровича Рыльева. Рылеевским думам присущ тот же пафос гражданственности, подлинного патриотизма, протеста против гнета, рабства, что и всем произведениям декабристов. Одна из его дум, «Димитрий Донской», пронизана свободолобивыми мотивами.

«Доколь нам, други, пред тираном
Склонять покорную главу...
Не нам, не нам страшиться битвы
С толпами грозными врагов...»

Поэт стремится передать исторические события правдиво, достоверно. Изображая в думах характеры Ивана Сусанина, Димитрия Донского, он хочет пробудить в молодежи высокие гражданские и патриотические чувства.

Особая роль в ряду произведений поэтов, посвятивших свое перо и батальной теме, принадлежит Александру Сергеевичу Пушкину. Еще юношей вместе с другими лицеистами он горел желанием сражаться за честь Отчизны. Напряженно следил он за продвижением войск Наполеона в глубь России, слушал рассказы о Бородинской битве, го-

ревал о пожаре Москвы. Искренние и пламенные порывы, воодушевлявшие Пушкина, отразились в стихотворении «Воспоминания в Царском Селе», написанном в 1814 году и прочитанном на публичном лицейском экзамене в январе 1815 года в присутствии Державина. Вспоминая об исторических битвах и победоносных полководцах — Орлове, Румянцеве, Суворове, поэт рисует картину бедствий, разрушений, которые принесла с собой война с Наполеоном.

И быстрым понеслись потоком
Враги на русские поля.
Пред ними мрачна степь лежит во сне глубоком,
Дымится кровию земля;
И сёла мирные, и грады в мгле пылают,
И небо заревом оделось вокруг,
Леса дремучие бегущих укрывают,
И праздный в поле ржавит плуг.

Поэт сокрушается, что не может отомстить врагу за московский пожар.

И в жертву не принес я мщенья вам и жизни;
Вотще лишь гневом дух пылал!..

Пушкин решительно противопоставляет силу национального единства вражескому напору.

Страшись, о рать иноплеменных!
России двинулись сыны;
Восстал и стар и млад; летят на дерзновенных,
Сердца их мщеньем зажжены.
Вострепещи, тиран! уж близок час паденья!
Ты в каждом ратнике узришь богатыря...

Подхватывая традиции русской поэзии XVIII века, юный Пушкин гордится причастностью к великим историческим событиям, влияющим на ход

современной ему жизни и его собственную судьбу. Чувство национальной гордости, которое он пережил в годы отрочества, поэт сохранил в дальнейшем и пронес через всю жизнь. Многие стихотворения Пушкина и его роман «Евгений Онегин» полны отзвуками грозных событий 1812 года.

Народный подвиг осветил все творчество Пушкина и решительно повлиял на художественное освещение разных моментов отечественной истории. В 1828 году он написал поэму «Полтава», в которой воспел победу молодой крепнущей страны, уверенно пробившей себе дорогу в Европу, освободив исконно принадлежавшие ей земли, захваченные Швецией. Боевой порыв, нравственная справедливость исторических деяний открылись поэту под прямым воздействием народной войны 1812 года.

Поэт-реалист то обозревает полтавскую баталию с высокого командного холма, откуда ему видится движение больших групп войск, то неожиданно оказывается в самой гуще боя, вблизи от солдат. Такая смена зрительных планов придает масштабность его описанию и создает эффект личного присутствия. Можно с полным правом сказать: Пушкин заложил новые принципы описания батальных сцен, которыми не преминут воспользоваться другие писатели. Динамичность и емкость картины сражения не в последнюю очередь зависели и от внимания Пушкина к жестам, позам, мимике героев, которые передавали напряженность битвы и одновременно реальные переживания главных его участников.

Важную поэтическую страницу в книгу о воинском подвиге вписал Михаил Юрьевич Лермонтов. К двадцатилетию Отечественной войны 1812 года появилось его стихотворение «Два великана». Лаконично и отчетливо звучит в стихотворении осуж-

дение «трехнедельного удальца», пришедшего с «грозой военной». Закономерно и быстрое поражение «удальца»: «Ахнул дерзкий — и упал!» Новым этапом в осмыслении событий войны и в изображении батальной темы стало знаменитое «Бородино». Лермонтов рассказал о народной войне как бы устами солдата-артиллериста, рядового участника Бородинского сражения. Солдат у Лермонтова не только смел, отважен, наделен смекалкой, деловит, но и чувствует на себе громадную ответственность за судьбу Москвы и Родины. Он готов вынести на своих плечах всю тяжесть борьбы с врагом, потому что им движут не отвлеченные и внушенные командирами понятия, а пламенные патриотические чувства, вошедшие в его плоть и кровь.

В стихотворении оживает выдающееся по своему масштабу сражение, в котором усилия солдат и командиров слились в единомышленном порыве победить врага. Вот почему так убедительно звучат и слова солдата:

Уж мы пойдем ломить стеною,
Уж постоим мы головою
За Родину свою!

и слова полковника:

«Ребята! не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»

И наконец, общий голос возвещает:

И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой.

Стихотворением «Бородино» Лермонтов положил начало отображению войны с точки зрения

ее как бы непосредственного и рядового участника. Героизм и патриотизм вытекали из эпического взгляда поэта на решающие исторические события, главным двигателем которых был народ.

Русские поэты следующих за Пушкиным и Лермонтовым поколений считали своим долгом и гражданской обязанностью воспевать ратные дела борющихся за Отчизну и помогавших братским народам героев.

Афанасий Афанасьевич Фет склоняется перед священным прахом павших за Родину воинов, слава которых вечна и чиста («Севастопольское братское кладбище»). Аполлон Николаевич Майков в стихотворении «Сказание о 1812 годе» подчеркивает мысль о том, что в минуты роковой опасности на защиту Отечества встает весь русский народ. Алексей Николаевич Апухтин в «Солдатской песне о Севастополе», вспоминая о былых сражениях — Бородинском и Очаковском, — убежден в том, что угроза военных лихолетий не испугает русских перед лицом нового врага и смертельной опасности.

И как знали они, что идут умирать,
И как свято они умирали! <...>
Пусть не радостна песня, что вам я пою,
Да не хуже той песни победы,
Что певали отцы в Бородинском бою,
Что певали в Очакове деды.

Тема помощи братскому народу поднимается в стихотворении Арсения Аркадьевича Голенищева-Кутузова «Плевна». Битва под Плевной оставила памятники мужеству русских воинов на землях Болгарии и России. Поэт, потомок великого полководца, продолжает мысли своих знаменитых предшественников поэтов: Ломоносова, Державина, Жуковского, Пушкина, Лермонтова.

Стряслась беда — снесем беду!
Сыны великого народа,
Мы в нашу веруем звезду...

Размышляя над самоотверженностью русского народа, поэт рядом с мужчиной-солдатом видит женщину, близко воспринявшую боль, «увечья, раны, смерть» своих соотечественников и воинов дружественной братской страны. Не требуя славы, награды, все свои силы, ум и сердце добровольно отдает сестра милосердия раненым на поле боя (стихотворение «Родная»).

Самоотверженность героев, идущих на штурм Хотина и Измаила, одержавших победу в разные времена истории нашей Родины на поле Бородина и на Куликовом поле, проходит через сердца русских поэтов разных поколений. Горестно вспоминает страницы исторических битв Александр Александрович Блок в стихотворении «На поле Куликовом»:

О, Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь! <...>
И вечный бой! Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль...

Но одновременно прошлое становится для него и прозрением настоящего, и предвидением будущего. В Куликовской битве он видит поворотный момент русской истории и осмысливает ее на фоне предстоящих социальных битв.

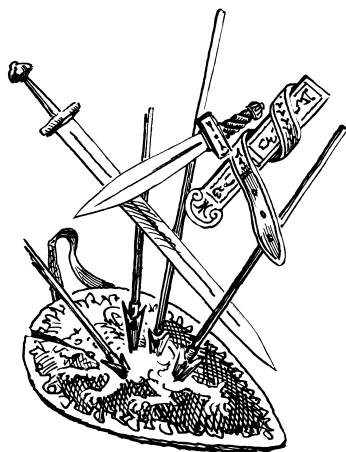
Русская батальная поэзия XVIII и XIX веков вписала золотые страницы в историю народа.

Заветы, доставшиеся нам от прошлых поколений, — бороться за мир, а в минуты смертельной опасности быть достойным своей великой Родины, — воплощены в современной отечественной поэзии.

В. Я. Коровина

ХРАБРЫЕ СЛАВНЫ ВОВЕКИ!

*Стихотворения
поэтов XVIII—XIX веков
о военной доблести русского народа*

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ*¹

(Перевод В. А. Жуковского)

Не прилично ли будет нам, братия,
Начать древним складом
Печальную повесть о битвах Игоря,
Игоря Святославича!²
Начаться же сей песни
По былинам сего времени,
А не вымыслам Бояновым.
Вещий Боян,
Если песнь кому сотворить хотел,
Растекался мыслию по древу,
Серым волком по земли,
Сизым орлом под облаками.
Вам памятно, как пели о бранях первых
времен:
Тогда пускались десять соколов на стадо
лебедей;
Чей сокол долетал, тот первую песнь пел:
Старому ли Ярославу, храброму ли
Мстиславу,

---

¹ Произведения, помеченные знаком *, печатаются в сокращении.

² В конце книги помещены комментарии и словарь мифологических имен и названий, устаревших и трудных слов.

Сразившему Редедю перед полками
касожскими,
Красному ли Роману Святославичу.
Боян же, братия, не десять соколов на стадо
лебедей пускал,
Он вещице персты свои на живые струны
вскладывал,
И сами они славу князьям рокотали.
Начнем же, братия, повесть сию
От старого Владимира до нынешнего Игоря.
Натянул он ум свой крепостию,
Изострил он мужеством сердце,
Ратным духом исполнился
И навел храбрые полки свои
На землю Половецкую за землю Русскую.
Тогда Игорь воззрел на светлое солнце,
Увидел он воинов своих, тьмою от него
прикрытых,
И рек Игорь дружине своей:
«Братия и дружина!
Лучше нам быть порубленным, чем дань
в полон.
Сядем же, други, на борзых коней
Да посмотрим синего Дона».
Вспала князю на ум охота,
Знаменье заступило ему желание
Отведать Дона великого.
«Хочу, — он рек, — преломить копьё
Конец поля Половецкого с вами, люди
русские!
Хочу положить свою голову
Или испить шоломом Дона».
О Боян, соловей старого времени!

Как бы воспел ты битвы сии,
Скача соловьем по мысленну древу,
Взлетая умом под облаки,
Свивая все славы сего времени,
Рыща тропюю Трояновой через поля на горы!
Тебе бы песнь гласить Игорю, того Олега
внуку!

Не буря соколов занесла чрез поля
широкие —

Галки стадами бегут к Дону великому!
Тебе бы петь, вещий Боян, внук Велесов!
Ржут кони за Сулою,
Звенит слава в Киеве,
Трубы трубят в Новеграде,
Стоят знамена в Путивле,
Игорь ждет милого брата Всеволода...

МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ
ЛОМОНОСОВ

(1711—1765)

ОДА БЛАЖЕННЫЯ ПАМЯТИ ГОСУДАРЫНЕ
ИМПЕРАТРИЦЕ АННЕ ИОАННОВНЕ
НА ПОБЕДУ НАД ТУРКАМИ И ТАТАРАМИ
И НА ВЗЯТИЕ ХОТИНА 1739 ГОДА*

Восторг внезапный ум пленил,
Ведет на верьх горы высокой,
Где ветер в лесах шуметь забыл;
В долине тишина глубокой.
Внимая нечто, ключ молчит,
Которой завсегда журчит
И с шумом вниз с холмов стремится.
Лавровы вьются там венцы,
Там слух спешит во все концы;
Далече дым в полях курится.

Не Пинд ли под ногами зрю?
Я слышу чистых сестр музы́ку!
Пермесским жаром я горю,
Теку поспешно к оных лику.
Врачебной дали мне воды:
Испей и все забудь труды;
Умой росой Кастанльской очи,

Через степь и горы взор прости
И дух свой к тем странам вперѣ,
Где всходит день по темной ночи.

Корабль как ярых волн среди,
Которые хотят покрыти,
Бежит, срывая с них верьхи,
Претит с пути себя склонити;
Седая пена вокруг шумит,
В пучине след его горит,
К российской силе так стремятся,
Кругом объехав, тьмы татар;
Скрывает небо конский пар!
Что ж в том? стремглав без душ валятся.

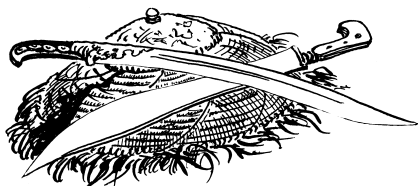
Крепит Отечества любовь
Сынов российских дух и руку;
Желает всяк пролить всю кровь,
От грозного бодрится звуку.
Как сильный лев стада волков,
Что кажут острых яд зубов,
Очей горящих гонит страхом,
От реву лес и брег дрожит,
И хвост песок и пыль мутит,
Разит, извившись сильным махом...

О как красуются места,
Что иго лютое сбросили
И что на турках тягота,
Которую от них носили;
И варварские руки те,
Что их держали в тесноте,
В полон уже несут оковы;

Что ноги узами звучат,
Которы для отгнанья стад
Чужи поля топтать готовы...

Козацких поль, заднестрской тать
Разбит, прогнан, как прах развеян,
Не смеет больше уж топтать,
С пшеницей где покой насеян.
Безбедно едет в путь купец,
И видит край волнам пловец,
Нигде не знал, пlying, препятства.
Красуется велик и мал;
Жить хочет век, кто в гроб желал;
Влекут к тому торжеств изрядства.

Пастух стада гоняет в луг
И лесом без боязни ходит;
Пришед, овец пасет, где друг
С ним песню новую заводит.
Солдатску храбрость хвалит в ней,
И жизни часть блажит своей,
И вечно тишины желает...

АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ
СУМАРОКОВ

(1717—1777)

* * *

Прости, моя любезная, мой свет, прости,
Мне сказано назавтрее в поход ийти;
Неведомо мне то, увижусь ли с тобой,
И ты хотя в последний раз побудь со
мной.

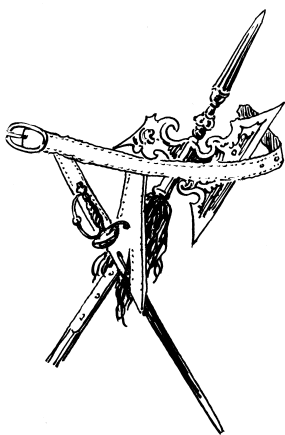
Покинь тоску, — иль смертный рок меня
унес?
Не плачь о мне, прекрасная, не трать ты слёз.
Имей на мысли то к отраде ты себе,
Что я оттоль с победою приду к тебе.

Когда умру, умру я там с ружьем в руках,
Разя и защищаяся, не зная, что страх;
Услышишь ты, что я не робок в поле был,
Дрался с такой горячностью, с какой
любил.

Вот трубка, пусть достанется тебе она!
Вот мой стакан, наполненный еще вина;

Для всех своих красот ты выпей из него
И будь по мне наследницей лишь ты его.

А если алебарду заслужу я там,
С какой явлюся радостью к твоим глазам!
В подарок принесу я шиты башмаки,
Манжеты, опахало, щегольски чулки.

ГАВРИЛА РОМАНОВИЧ
ДЕРЖАВИН

(1743—1816)

НА ВЗЯТИЕ ИЗМАИЛА*

Везувий пламя изрыгает,
Столп огненный во тьме стоит,
Багрово зарево зияет,
Дым черный клубом вверх летит;
Краснеет понт, ревет гром ярый,
Ударам вслед звучат удары;
Дрожит земля, дождь искр течет;
Клокочут реки рдяной лавы, —
О росс! Таков твой образ славы,
Что зрел под Измаилом свет!..

Как воды, с гор весной в долину
Низвержась, пенятся, режут,
Волнами, льдом трясут плотину, —
К твердыням россы так текут.
Ничто им путь не воспрещает;
Смертей ли бледных полк встречает,
Иль ад скрежещет зевом к ним, —
Идут, — как в тучах скрыты громы,
Как двигнуты безмолвны холмы;
Под ними стон, за ними — дым.

Идут в молчании глубоком,
Во мрачной, страшной тишине,
Собой пренебрегают, роком;
Зарница только в вышине
По их оружию играет;
И только их душа сияет,
Когда на бой, на смерть идет.
Уж блещут молнии крылами,
Уж осыпаются громами —
Они молчат — идут вперед...

О! что за зрелище предстало!
О пагубный, о страшный час!
Злодейство что ни вымышляло,
Поверглось, россы, всё на вас!
Зрю камни, ядра, вар и бревны, —
Но чем герои уstraшены?
Чем может отражен быть росс?
Тот лезет по бревну на стену,
А тот летит с стены в геенну, —
Всяк Курций, Деций, Буароз!..

А слава тех не умирает,
Кто за Отечество умрет;
Она так в вечности сияет,
Как в море ночью лунный свет.
Времен в глубоком отдаленье
Потомство тех увидит тени,
Которых мужествен был дух.
С гробов их в души огонь польется,
Когда по рощам разнесется
Бессмертной лирой дел их звук.

ИВАН ИВАНОВИЧ
ДМИТРИЕВ

(1760—1837)

ОСВОБОЖДЕНИЕ МОСКВЫ*

Примите, древние дубравы,
Под тень свою питомца муз!
Не шумны петь хочу забавы,
Не сладости цитерских уз;
Но да воззрю с полей широких
На красну, гордую Москву,
Седящу на холмах высоких,
И спящи веки воззову!

В каком ты блеске ныне зрима,
Княжений знаменитых мать!
Москва, России дочь любима,
Где равную тебе сыскать?
Венец твой перлами украшен;
Алмазный скиптр в твоих руках;
Верхи твоих огромных башен
Сияют в злате, как в лучах;
От Норда, Юга и Востока —
Отвсюду быстротой потока
К тебе сокровища текут;
Сыны твои, любимцы славы,

Красивы, храбры, величавы,
А девы — розами цветут!

Но некогда и ты стенала
Под бременем различных зол...
Сармат простер к тебе длань друга
И остро копие вознес!
Вознес — и храмы воспылали,
На девах цепи зазвучали,
И кровь их братьев потекла!
«Я гибну, гибну! — ты рекла,
Вращая уstraшенно око. —
Спасай меня, о гений мой!»
Увы! молчанье вокруг глубоко,
И меч, висящий над головой!

Где ты, славянов храбрых сила!
Проснись, восстань, Российска мочь!
Москва в плену, Москва уныла,
Как мрачная осення ночь, —
Восстала! всё восколебалось!
И князь, и рáтай, стар и млад —
Всё в крепку броню ополчалось!
Перуном возблистал булат!
Но кто из тысяч видим мною,
В седирах бодр и сановит?
Он должен быть вождем, главою:
Пожарский то, России щит!
Восторг, восторг я ощущаю!
Пылаю духом и лечу!
Где лира? Смело начинаю!
Я подвиг предка петь хочу!

Уже гремят в полях кольчуги;
Далече пыль встает столбом;
Идут России верны слуги;
Несет их вождь, Пожарский, гром!
От кликов рати воют рощи,
Дремавши в мертвой тишине;
Светило дня и звезды ночи
Героя видят на коне;
Летит — и взором луч отрады
В сердца унывшие лиет;
Летит, как вихрь, и движет грады
И веси за собою вслед!

«Откуда шум?» — прикивши ухом,
Рек воин, в думу погружен.
Взглянул — и, бледен, с робким духом
Бросается с кремлевских стен.
«К щитам! К щитам! — зовет сармата. —
Погибель нам минуты трата!
Я видел войско супостат:
Как змий, хребет свой изгибает,
Главой уже коснулось врат;
Хвостом всё поле покрывает».
Вдруг стогны ратными сперлись —
Мягутся, строятся, делются,
У врат, бойниц, вокруг стен толпятся;
Другие вихрем понеслись
Славянам и громам навстречу.

И се — зрю зарево кругом,
В дыму и в пламе страшну сечу!
Со звоном сшибся щит с щитом —
И разом сильного не стало!

Ядро во мраке зажужжало,
И целый ряд бесстрашных пал!
Там вождь добычею Эреве;
Здесь бурный конь, с копьём во чреве,
Вскочивши на дыбы, заржал
И навзничь грянулся на землю,
Покрывши всадника собой;
Отсюда треск и громы внемлю,
Глушащи скрежет, стон и вой...

Трикраты день воссиявал,
Трикраты ночь его сменяла;
Но бой еще не преставал
И смерть руки не утомляла...
Сторукий исполин трясется —
Падет — издох! И вопль несется:
«Ура! Пожарский победил!»
И в граде отдалось стократно:
«Ура! Москву Пожарский спас!»

О, утро памятно, приятно!
О, вечно незабвенный час!
Кто даст мне кисть животворящую,
Да радость напишу, горящую
У всех на лицах и в сердцах?
Да яркой изразу чертою
Народ, воскресший на стенах,
На кровях, и с высот к герою
Венки летящи на главу...

А ты, герой, пребудешь в веки
Их честью, славой, образцом!
Где горы небо прут челом,

Там шумная помчатся реки;
Из блат дремучий выйдет лес;
В степях возникнут вертограды;
Родятся и исчезнут грады;
Натура новых тьму чудес
Откроет взору изумленну;
Осветит новый луч вселенну —
И воин, от твоей крови,
Тебя вспомнит, возгордится
И паче, паче утвердится
В прямой к Отечеству любви!

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ
КАРАМЗИН

(1766—1826)

К ОТЕЧЕСТВУ

Цвети, Отечество святое,
Сынам любезное, драгое!
Мы все боготворим тебя
И в жертву принести себя
Для пользы твоея готовы.
Ах! смерть ничто, когда оковы
И стыд грозят твоим сынам!
Так древле Кодры умирали,
Так Леониды погибали
В пример героям и друзьям.
Союз родства и узы крови
Не так священны для сердец,
Как свят закон твоей любви.
Оставит милых чад отец,
И сын родителя забудет,
Спеша Отечеству служить;
Умрет он, но потомство будет
Героя полубогом чтить!

ИВАН АНДРЕЕВИЧ
КРЫЛОВ

(1769—1844)

ВОЛК НА ПСАРНЕ

Волк ночью, думая залезть в овчарню,
    Попал на псарню.
    Поднялся вдруг весь псарный двор.
Почуя серого так близко забияку,
Псы залились в хлевах и рвутся вон на драку;
    Псари кричат: «Ахти, ребята, вор!» —
    И вмиг ворота на запор;
    В минуту псарня стала адом. —
    Бегут: иной с дубьем,
    Иной с ружьем.
«Огня! — кричат, — огня!» Пришли с огнем.
Мой Волк сидит, прижавшись в угол задом,
    Зубами щелкая и оцетиня шерсть,
Глазами, кажется, хотел бы всех он съесть;
    Но, видя то, что тут не перед стадом
    И что приходит, наконец,
    Ему расчесться за овец, —
    Пустился мой хитрец
    В переговоры
И начал так: «Друзья, к чему весь этот шум?
    Я, ваш старинный сват и кум,

Пришел мириться к вам, совсем не ради
ссоры:
Забудем прошлое, оставим общий лад!
А я не только впредь не трону здешних стад,
Но сам за них с другими грызться рад
И волчьей клятвой утверждаю,
Что я...» — «Послушай-ка, сосед, —
Тут ловчий перервал в ответ, —
Ты сер, а я, приятель, сед,
И Волчью вашу я давно натуру знаю;
А потому обычай мой:
С волками йначе не делать мировой,
Как снявши шкуру с них долой».
И тут же выпустил на Волка гончих стаю.

ВОРОНА И КУРИЦА

Когда Смоленский князь,
Противу дерзости искусством воруясь,
Вандалам новым сеть поставил
И на погибель им Москву оставил,
Тогда все жители, и малый, и большой,
Часа не тратя, собралися
И вон из стен московских поднялися,
Как из улья пчелиный рой.
Ворона с кровли тут на эту всю тревогу
Спокойно, чистя нос, глядит.
«А ты что ж, кумушка, в дорогу? —
Ей с возу Курица кричит. —
Ведь говорят, что у порогу
Наш супостат». —

«Мне что до этого за дело? —
Вещунья ей в ответ. — Я здесь останусь
смело.

Вот ваши сестры — как хотят;
А ведь ворон ни жарят, ни варят:
Так мне с гостями не мудрено ужиться,
А может быть, еще удастся поживиться
Сырком, иль косточкой, иль чем-нибудь.
Прощай, хохлаточка, счастливый путь!»
Ворона подлинно осталась;
Но, вместо всех поживок ей,
Как голодом морить Смоленский стал
гостей —
Она сама к ним в суп попалась.

Так часто человек в расчетах слеп и глуп.
За счастьем, кажется, ты по пятам
несешься:
А как на деле с ним сочтешься —
Попался, как ворона, в суп!

РАЗДЕЛ

Имея общий дом и общую контору,
Какие-то честные торгаши
Наторговали денег гору;
Окончили торги и делят барыши.
Но в дележе когда без спору?
Заводят шум они за деньги, за товар, —
Как вдруг кричат, что в доме их пожар.
«Скорей, скорей спасайте

Товары вы и дом!»
Кричит один из них: «Ступайте,
А счета после мы сведем!» —
«Мне только тысячу мою сперва добавьте, —
Шумит другой, —
Я с места не сойду долой!» —
«Мне две не dodано, а вот тут счета ясны!» —
Еще один кричит. «Нет, нет, мы не
согласны!

Да как, за что и почему!»
Забывши, что пожар в дому,
Проказники тут до того шумели,
Что захватило их в дыму
И все они со всем добром своим сгорели.

В делах, которые гораздо поважней,
Нередко от того погибель всем бывает,
Что чем бы общую беду встречать дружной,
Всяк споры затевает
О выгоде своей.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ
ГЛИНКА

(1775—1847)

ДРУГУ РУССКИХ

Жить для Отечества — вот бытие одно;
Нам счастье от Небес в нем истинно дано.
Мечтатель говорит: «Я гражданин
вселенной»,
А русский: «Край родной вселенная моя».
Мила своя страна душе благорожденной;
Ей мысли, ей душа посвящена твоя.

СТИХИ ГЕНЕРАЛУ РАЕВСКОМУ*

Опять с полками стал своими
Раевский, веры сын, герой!..
Горит кровопролитный бой.
Все россы вихрями несутся,
До положенья глав дерутся;
Их тщетно к отдыху зовут.
«Всем дайте умереть нам тут!» —
Так русски воины вещают,
Разят врага — не отступают:
Не страшен россам к смерти путь.

И мы, о воины! за вами
Из градов русских все пойдем;
За нас вы боретесь с врагами,
И мы, мы вас в пример возьмем.
Или России избавленье,
Иль смерть врагу и поражение!..
К победе с вами мы пойдем,
Иль с *верой* — *верными* умрем.

ДЕНИС ВАСИЛЬЕВИЧ
ДАВЫДОВ

(1784—1839)

ОТВЕТ

Я не поэт, я — партизан, казак.
Я иногда бывал на Пинде, но наскоком
И беззаботно, кое-как,
Раскидывал перед Кастальским током
Мой независимый бивак.
Нет, не наезднику пристало
Петь, в креслах развалясь, лень, негу и
покой...
Пусть грянет Русь военной грозой, —
Я в этой песне запеваю!

ПАРТИЗАН

(Отрывок)

Умолкнул бой. Ночная тень
Москвы окрестность покрывает;
Вдали Кутузова курень
Один, как звездочка, сверкает.
Громада войск во тьме кипит,

И над пылающей Москвою
Багрово зарево лежит
Необозримой полосою.

И мчится тайною тропой
Воспрянувший с долины битвы
Наездников веселый рой
На отдаленные ловитвы.
Как стая алчущих волков,
Они долинами витают:
То внемлют шороху, то вновь
Безмолвно рыскать продолжают.

Начальник, в бурке на плечах,
В косматой шапке кабардинской,
Горит в передовых рядах
Особой яростью воинской.
Сын белокаменной Москвы,
Но рано брошенный в тревоги,
Он жаждет сечи и молвы,
А там что будет... вольны боги!

Давно незнаем им покой,
Привет родни, взор девы нежный;
Его любовь — кровавый бой,
Родня — донцы, друг — конь надежный.
Он чрез стремнины, чрез холмы
Отважно всадника проносит,
То чутко шевелит ушми,
То фыркает, то úдил просит.

Еще их скок приметен был
На высях, за преградной Нарой,

Златимых отблеском пожара, —
Но скоро буйный рой за высь перекатил,
И скоро след его простыл...

БОРОДИНСКОЕ ПОЛЕ

(Элегия)

Умолкшие холмы, дол, некогда кровавый,
Отдайте мне ваш день, день вековой
славы,

И шум оружия, и сечи, и борьбу!
Мой меч из рук моих упал. Мою судьбу
Попрали сильные. Счастливы горделивы
Невольным пахарем влекут меня на нивы...
О, ринь меня на бой, ты, опытный в боях,
Ты, голосом своим рождающий в полках
Погибели врагов предчувственные клики,
Вождь гомерический, Багратион великий!
Простри мне длань свою, Раевский, мой
герой!

Ермолов! я лечу — веди меня, я твой;
О, обреченный быть побед любимым сыном,
Покрой меня, покрой твоих перунов дымом!

Но где вы?.. Слушаю... Нет отзыва! С полей
Умчался брани дым, не слышен стук мечей,
И я, питомец ваш, склоняюсь головой у плуга,
Завидую костям соратника иль друга.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ
ТУРГЕНЕВ

(1781—1803)

К ОТЕЧЕСТВУ

Сыны Отечества клянутся!
И Небо слышит клятву их!
О, как сердца в них сильно бьются!
Не кровь течет, но пламя в них.
Тебя, Отечество святое,
Тебя любить, тебе служить —
Вот наше звание прямое!
Мы жизнь свою купить
Твое готовы благоденство.
Погибель за тебя — блаженство,
И смерть — бессмертие для нас!
Не содрогнемся в страшный час
Среди мечей на ратном поле,
Тебя, как Бога, призовем,
И враг не узрит солнца боле,
Иль мы, сраженные, падем —
И наша смерть благословится!
Сон вечности покроет нас;
Когда вздохнем в последний раз,
Сей вздох тебе же посвятится!..

ВАСИЛИЙ АНДРЕЕВИЧ
ЖУКОВСКИЙ

(1783—1852)

ПЕВЕЦ ВО СТАНЕ
РУССКИХ ВОИНОВ*

П е в е ц

На поле бранном тишина;
Огни между шатрами;
Друзья, здесь светит нам луна,
Здесь кров небес над нами.
Наполним кубок круговой!
Дружнее! руку в руку!
Запьем вином кровавый бой
И с падшими разлуку.
Кто любит видеть в чашах дно,
Тот бодро ищет боя...
О всемогущее вино,
Веселие героя!

В о и н ы

Кто любит видеть в чашах дно,
Тот бодро ищет боя...
О всемогущее вино,
Веселие героя!

П е в е ц

Сей кубок чадам древних лет!
Вам слава, наши деды!
Друзья, уже могущих нет;
Уж нет вождей победы;
Их дома вихорь разметал;
Их гробы срыли плуги;
И пламень ржавчины сожрал
Их шлемы и кольчуги;
Но дух отцов воскрес в сынах;
Их поприще пред нами...
Мы там найдем их славный прах
С их славными делами.

Смотрите, в грозной красоте,
Воздушными полками,
Их тени мчатся в высоте
Над нашими шатрами...
О Святослав, бич древних лет,
Се твой полет орлиный.
«Погибнем! мертвым срама нет!» —
Гремит перед дружиной.
И ты, неверных страх, Донской,
С четой двух соименных,
Летишь погибельной грозой
На рать иноплеменных.

И ты, наш *Петр*, в толпе вождей.
Внимайте клич: Полтава!
Орды пришельца — снесь мечей,
И мир взывает: слава!
Давно ль, о хищник, пожирал
Ты взором наши грады?

Беги! твой конь и всадник пал;
Твой след — костей громады;
Беги! и стыд и страх сокрой
В лесу с твоим сарматом;
Отчизны враг сопутник твой;
Злодей владыке братом.

Но кто сей рьяный великан,
Сей витязь полуночи?
Друзья, на спящий вражий стан
Вперил он страшны очи;
Его завидя в облаках,
Шумящим, смутным роем
На снежных Альпов высотах
Взлетели тени с воем;
Бледнеет галл, дрожит сармат
В шатрах от гневных взоров...
О горе! горе, супостат!
То грозный наш Суворов!

Хвала вам, чада прежних лет,
Хвала вам, чада славы!
Дружиной смелой вам вослед
Бежим на пир кровавый;
Да мчится ваш победный строй
Пред нашими орлами;
Да сеет, нам предтеча в бой,
Погибель над врагами;
Наполним кубок! меч во длань!
Внимай нам, вечный мститель!
За гибель — гибель, брань — за брань,
И казнь тебе, губитель!

В о и н ы

Наполним кубок! меч во длань!
Внимай нам, вечный мститель!
За гибель — гибель, брань — за брань,
И казнь тебе, губитель!

П е в е ц

Отчизне кубок сей, друзья!
Страна, где мы впервые
Вкусили сладость бытия,
Поля, холмы родные,
Родного неба милый свет,
Знакомые потоки,
Златые игры первых лет
И первых лет уроки,
Что вашу прелесть заменит?
О Родина святая,
Какое сердце не дрожит,
Тебя благословляя?..

Наш каждый ратник славянин;
Все долгу здесь послушны;
Бежит предатель сих дружин,
И чужд им малодушный.

В о и н ы

Не изменим; мы от отцов
Прияли верность с кровью;
О царь, здесь сонм твоих сынов,
К тебе горим любовью.

П е в е ц

Сей кубок ратным и вождям!
В шатрах, на поле чести,
И жизнь и смерть — всё пополам;
Там дружество без лести,
Решимость, правда, простота,
И нравов непритворство,
И смелость — бранных красота,
И твердость, и покорство.
Друзья, мы чужды низких уз;
К венцам стезею правой!
Опасность — твердый наш союз;
Одной пылаем славой.

Тот наш, кто первый в бой летит
На гибель супостата,
Кто слабость падшего щадит
И грозно мстит за брата;
Он взором жизнь дает полкам;
Он махом мощной длани
Их мчит во сретенье врагам,
В средину шумной брани;
Ему веселье битвы глас,
Спокоен под громами:
Он свой последний видит час
Бесстрашными очами.

Хвала тебе, наш бодрый вождь,
Герой под седи́нами!
Как юный ратник, вихрь, и дождь,
И труд он делит с нами.
О, сколь с израненным челом

Пред строем он прекрасен!
И сколь он хладен пред врагом,
И сколь врагу ужасен!
О диво! се орел пронзил
Над ним небес равнины...
Могущий вождь главу склонил;
«Ура!» кричат дружины.

Лети ко прадедам, орел,
Пророком славной мести!
Мы тверды: вождь наш перешел
Путь гибели и чести;
С ним опыт, сын труда и лет;
Он бодр и с сединою;
Ему знаком победы след...
Доверенность к герою!
Нет, други, нет! не предана
Москва на расхищенье;
Там стены!.. в россах вся она;
Мы здесь — и Бог наш мщенье.

Хвала сподвижникам-вождям!
Ермолов, витязь юный,
Ты ратным брат, ты жизнь полкам,
И страх твой перуны.
Раевский, слава наших дней,
Хвала! перед рядами
Он первый грудь против мечей
С отважными сынами.
Наш Милорадович, хвала!
Где он промчался с бранью,
Там, мнится, смерть сама прошла
С губительною дланью.

Наш Витгенштейн, вождь-герой,
Петрополя спаситель,
Хвала!.. Он — щит стране родной,
Он — хищных истребитель.
О, сколь величественный вид,
Когда перед рядами,
Один, склонясь на твердый щит,
Он грозными очами
Блюдет противников полки,
Им гибель устрояет
И вдруг... движением руки
Их сонмы рассыпает.

Хвала тебе, славян любовь,
Наш Коновницын смелый!..
Ничто ему толпы врагов,
Ничто мечи и стрелы;
Пред ним, за ним перун гремит,
И пышет пламень боя...
Он весел, он на гибель зрит
С спокойствием героя;
Себя забыл... одним врагам
Готовит истребленье;
Пример и ратным и вождям
И смелым удивленье.

Хвала, наш Вихорь-атаман,
Вождь невредимых, Платов!
Твой очарованный аркан
Гроза для супостатов.
Орлом шумишь по облакам,
По полю волком рыщешь,
Летаешь страхом в тыл врагам,

Бедой им в уши свищешь;
Они лишь к лесу — ожил лес,
Деревья сыплют стрелы;
Они лишь к мосту — мост исчез;
Лишь к селам — пышут селы.

Хвала, наш Нестор — Бенингсон!

И вождь и муж совета,
Блюдет врагов не дремля он,
Как змей орел с полета.
Хвала, наш Остерман-герой,
В час битвы ратник смелый!

И Тормасов, летящий в бой,
Как юноша веселый!

И Багговут, среди громов,
Средь копий безмятежный!

И Дохтуров, гроза врагов,
К победе вождь надежный!

Наш твердый Воронцов, хвала!

О други, сколь смутилась
Вся рать славян, когда стрела
В бесстрашного вонзилась;

Когда полмерть, окровавлён,
С потухшими очами,

Он на щите был изнесен
За ратный строй друзьями.

Смотрите... язвой роковой
К постели пригвожденный,

Он страждет, братскою толпой
Увечных окруженный.

Ему возглавье — бранный щит;
Незыблемый в мученье,

Он с ясным взором говорит:
«Друзья, бедам презрень!»
И в их сердцах героя речь
Веселье пробуждает,
И, оживясь, до по́лы меч
Рука их обнажает.
Спеши ж, о витязь наш! воспрянь;
Уж ангел истребленья
Горé подъял ужасну длань,
И близок час отмщенья.

Хвала, Щербатов, вождь молодой!
Среди грозы военной,
Друзья, он сетует душой
О трате незабвенной.
О витязь, ободрись... она
Твой спутник невидимый,
И ею свыше знаменá
Дружин твоих хранимы.
Любви и скорби оживить
Твои для мщенья силы:
Рази дерзнувших возмутить
Покой ее могилы.

Хвала, наш Пален, чести сын!
Как бурейо носимый,
Везде впреди своих дружин
Разит, неотразимый.
Наш смелый Строганов, хвала!
Он жаждет чистой славы;
Она из мира увлекла
Его на путь кровавый...
О храбрых сонм, хвала и честь!

Свершайте истребленье,
Отчизна к вам взывает: мечь!
Вселенная: спасенье!

Хвала бестрепетных вождям!
На конях окрыленных
По долам скачут, по горам
Вослед врагов смятенных;
Днем мчатся строй на строй; в ночи
Страшат, как привиденья;
Блистают смертью их мечи;
От стрел их нет спасенья;
По всем рассыпаны путям,
Невидимы и зримы;
Сломили здесь, сражают там
И всюду невредимы.

Наш Фигнер старцем в стан врагов
Идет во мраке ночи;
Как тень прокрался вокруг шатров,
Всё зрели быстры очи...
И стан еще в глубоком сне,
День светлый не проглянул —
А он уж, витязь, на коне,
Уже с дружиной грянул.
Сеславин — где ни пролетит
С крылатыми полками,
Там брошен в прах и меч, и щит
И услан путь врагами.

Давыдов, пламенный боец,
Он вихрем в бой кровавый;
Он в мире счастливый певец

Вина, любви и славы.
Кудáшев скоком через ров
И лётом на стремнину;
Бросает взглядом Чернышов
На меч и гром дружину;
Орлов отважностью орел;
И мчит грозу ударов
Сквозь дым и огонь, по грудам тел,
В среду врагов Кайсаров.

В о и н ы

Вожди славян, хвала и честь!
Свершайте истребленье.
Отчизна к вам взывает: мечь!
Вселенная: спасенье!

П е в е ц

Друзья, кипящий кубок сей
Вождям, сраженным в бое.
Уже не придут в сонм друзей,
Не станут в ратном строе,
Уж для врага их грозный лик
Не будет вестник мщенья,
И не помчит их мощный клик
Дружину в пыл сраженья;
Их празден меч, безмолвен щит,
Их ратники унылы;
И сир могучих конь стоит
Близ тихой их могилы.

Где Кульнев наш, рушитель сил,
Свирепый пламень брани?

Он пал — главу на щит склонил
И стиснул меч во длани.
Где жизнь судьба ему дала,
Там брань его сразила;
Где колыбель его была,
Там днесь его могила.
И тих его последний час:
С молитвою священной
О милой матери угас
Герой наш незабвенный.

А ты, Кутайсов, вождь молодой...
Где прелести? где младость?
Увы! он видом и душой
Прекрасен был, как радость;
В броне ли, грозный, выступал —
Бросали смерть перуны;
Во струны ль арфы ударял —
Одушевлялись струны...
О горе! верный конь бежит,
Окровавлѣн, из боя;
На нем его разбитый щит...
И нет на нем героя.

И где же твой, о витязь, прах?
Какою взят могилой?..
Пойдет прекрасная в слезах
Искать, где пепел милый...
Там чище ранняя роса,
Там зелень ароматней,
И сладостней цветов краса,
И светлый день приятней,
И тихий дух твой прилетит

Из та́инственной сени;
И трепет сердца возвестит
Ей близость дружной тени.

И ты... и ты, Багратион?
Вотще друзей молитвы,
Вотще их плач... Во гробе он,
Добыча лютой битвы.
Еще дружин надежда в нем;
Всё мнит: с одра восстанет;
И робко шепчет враг с врагом:
«Увы нам! скоро грянет».
А он... навеки взор смежил,
Решитель бранных споров,
Он в область храбрых воспарил,
К тебе, отец Суворов.

И честь вам, падшие друзья!
Ликуйте в горней сени;
Там ваша верная семья —
Вождей минувших тени.
Хвала вам будет оживлять
И поздних лет беседы.
«От них учитесь умирать!» —
Так скажут внукам деды;
При вашем имени вскипит
В вожде ретивом пламя;
Он на твердыню с ним взлетит
И водрузит там знамя.

В о и н ы

При вашем имени вскипит
В вожде ретивом пламя;

Он на твердыню с ним взлетит
И водрузит там знамя.

П е в е ц

Сей кубок мщенью! други, в строй!
И к небу грозны длани!
Сразить иль пасть! наш роковой
Обет пред богом брани.
Вотще, о враг, из тьмы племен
Ты зиждешь ополченья:
Они бегут твоих знамен
И жаждут низложенья.
Сокровищ нет у нас в домах;
Там стрелы и кольчуги;
Мы сёла — в пепел; грады — в прах;
В мечи — серпы и плуги.

Злодей! он лестью приманил
К Москве свои дружины;
Он низким миром нам грозил
С кремлевския вершины.
«Пойду по стогнам с торжеством!
Пойду... и всё восплещет!
И в прах падут с своим царем!..»
Пришел... и сам трепещет;
Подвигло мщение Москву:
Вспылала пред врагами
И грянулась на их главу
Губящими стенами.

Веди ж своих царей-рабов
С их стаей в область хлада;

Пробей тропу среди снегов
    Во сретение глада...
Зима, союзник наш, гряди!
    Им заперт путь возвратный;
Пустыни в пепле позади;
    Пред ними сонмы ратны.
Отведай, хищник, что сильней:
    Дух алчности иль мщенье?
Пришлец, мы в Родине своей;
    За правых провиденье!

В о и н ы

Отведай, хищник, что сильней:
    Дух алчности иль мщенье?
Пришлец, мы в Родине своей;
    За правых провиденье!

П е в е ц

Святому братству сей фиал
    От верных братий круга!
Блажен, кому Создатель дал
    Усладу жизни, друга;
С ним счастье вдвое; в скорбный час
    Он сердцу утешенье;
Он наша совесть; он для нас
    Второе провиденье.
О! будь же, други, святость уз
    Закон наш под шатрами;
Написан кровью наш союз:
    И жить и пасть друзьями.

В о и н ы

О! будь же, други, святость уз
Закон наш под шатрами;
Написан кровью наш союз:
И жить и пасть друзьями.

П е в е ц

Любви сей полный кубок в дар!
Среди борьбы кровавой,
Друзья, святой питайте жар:
Любовь одно со славой.
Кому здесь жребий уделен
Знать тайну страсти милой,
Кто сердцем сердцу обручен,
Тот смело, с бодрой силой
На всё великое летит;
Нет страха; нет преграды;
Чего-чего не совершит
Для сладостной награды?

Ах! мысль о той, кто всё для нас,
Нам спутник неизменный;
Везде знакомый слышим глас,
Зрим образ незабвенный!
Она на бранных знаменах,
Она в пылу сраженья;
И в шуме стана, и в мечтах
Веселых сновиденья.
Отведай, враг, исторгнуть щит,
Рукою данный милой;
Святой обет на нем горит:
Твоя и за могилой!

О сладость тайная мечты!
Там, там за синей далью
Твой ангел, дева красоты,
Одна с своей печалью,
Грустит, о друге слезы льет;
Душа ее в молитве,
Боится вести, вести ждет:
«Увы! не пал ли в битве?»
И мыслит: «Скоро ль, дружный глас,
Твои мне слышать звуки?
Лети, лети, свиданья час,
Сменить тоску разлуки».

Друзья! блаженнейшая часть:
Любезных быть спасеньем.
Когда ж предел наш в битве пасть —
Погибнем с наслажденьем;
Святое имя призовем
В минуты смертной муки;
Кем мы дышали в мире сем,
С той нет и там разлуки:
Туда душа перенесет
Любовь и образ милой...
О други, смерть не всё возьмет;
Есть жизнь и за могилой.

В о и н ы

В тот мир душа перенесет
Любовь и образ милой...
О други, смерть не всё возьмет;
Есть жизнь и за могилой.

П е в е ц

Сей кубок чистым музам в дар!
Друзья, они в героя
Вливают бодрость, славы жар,
И месть, и жажду боя.
Гремят их лиры — стар и млад
Оделись в бранны латы:
Ничто им стрел свистящих град,
Ничто твердынь раскаты.
Певцы — сотрудники вождям;
Их песни — жизнь победам,
И внуки, внемля их струнам,
В слезах дивятся дедам.

О, радость древних лет, Боян!
Ты, арфой ополченный,
Летал пред строями славян,
И гимн гремел священный;
Петру возник среди снегов
Певец — податель славы;
Честь Задунайскому — Петров;
О камские дубравы,
Гордитесь, ваш Державин сын!
Готовь свои перуны,
Суворов чудо-исполин, —
Державин грянет в струны.

О старец! да услышим твой
Днесь голос лебединый;
Не тщетной славы пред тобой,
Но мщениа дружины;
Простерли не к добычам длань,
Бегут не за венками —

Их подвиг свят: то правых брань
С злодейскими ордами.
Пришло разрушить их мечам
Племен поработенье;
Самим губителя рабам
Победы их — спасенье.

Так, братья, чадам муз хвала!..
Но я, певец ваш юный...
Увы! почто судьба дала
Незвучные мне струны?
Доселе тихим лишь полям
Моя играла лира...
Вдруг жребий выпал: к знаменам!
Прости, и сладость мира,
И отчий край, и круг друзей,
И труд уединенный,
И всё... я там, где стук мечей,
Где ужасы военны.

Но буду ль ваши петь дела
И хищных истребленье?
Быть может, ждет меня стрела
И мне удел — паденье.
Но что ж... навеки ль смертный час
Мой след изгладит в мире?
Останется привычный глас
В осиротевшей лире.
Пускай губителя во прах
Низринет месть кровава —
Родится жизнь в ее струнах,
И звучно грянут: слава!

В о и н ы

Хвала возвышенным певцам!
Их песни — жизнь победам,
И внуки, внемля их струнам,
В слезах дивятся дедам.

П е в е ц

Подыдем чашу!.. Богу сил!
О братья, на колена!
Он искони благословил
Славянские знамена.
Бессильным щит Его закон
И гибнущим спаситель;
Всегда союзник правых Он
И гордых истребитель.
О братья, взоры к Небесам!
Там жизни сей награда!
Оттоль Отец незримый нам
Гласит: мужайтесь, чада!

Бессмертье, тихий, светлый берег;
Наш путь — к нему стремленье.
Покойся, кто свой кончил бег!
Вы, странники, терпенье!
Блажен, кого постигнул бой!
Пусть долго, с жизнью хилой,
Старик трепещущей ногой
Влачится над могилой;
Сын брани мигом ношу в прах
С могучих плеч свергает
И, бодр, на молнийных крылах
В мир лучший улетает.

А мы?.. Доверенность к Творцу!
    Что б ни было — незримый
Ведет нас к лучшему концу
    Стезей непостижимой.
Ему, друзья, отважно вслед!
    Прочь, низкое! прочь, злоба!
Дух бодрый на дороге бед,
    До самой двери гроба;
В высокой доле — простота;
    Нежадность — в наслажденье;
В союзе с равным — правота;
    В могуществе — смиренье.

Обетам — вечность; чести — честь;
    Покорность — правой власти;
Для дружбы — всё, что в мире есть;
    Любви — весь пламень страсти;
Утеха — скорби; просьбе — дань;
    Погибели — спасенье;
Могущему пороку — брань;
    Бессильному — презренье;
Неправде — грозный правды глас;
    Заслуге — воздаянье;
Спокойствие — в последний час;
    При гробе — упование.

О! будь же, русский Бог, нам щит!
    Прострешь Твою десницу —
И мститель гром Твой раздробит
    Коня и колесницу.
Как воск перед лицом огня,
    Растает враг пред нами...
О страх карающего дня!

Бродя окрест очами,
Речет пришлец: «Врагов я зрел;
И мнил: земли им мало;
И взор их гибелью горел;
Протек — врагов не стало!»

В о и н ы

Речет пришлец: «Врагов я зрел;
И мнил: земли им мало;
И взор их гибелью горел;
Протек — врагов не стало!»

П е в е ц

Но светлых облаков гряда
Уж утро возвещает;
Уже восточная звезда
Над хólмами играет;
Редет сумрак; сквозь туман
Проглǎнули равнины,
И дальний лес, и тихий стан,
И спящие дружины.
О други, скоро!.. день грядет...
Недвижны рати бурны...
Но... Рок уж жребии берет
Из та́инственной урны.

О новый день, когда твой свет
Исчезнет за холмами,
Сколь многих взор наш не найдет
Меж нашими рядами!..
И он блеснул!.. Чу!.. вестовой
Перун по хólмам грянул;

Внимайте: в поле шум глухой!
Смотрите: стан воспрянул!
И кони ржут, грызя бразды;
И строй сомкнулся с строем;
И вождь летит перед ряды;
И пышет ратник боем.

Друзья, прощанью кубок сей!
И смело в бой кровавый
Под вихорь стрел, на ряд мечей,
За смертью иль за славой...
О вы, которых и вдали
Боготворим сердцами,
Вам, вам все блага на земли!
Щит промысла над вами!..
Всевышний Царь, благослови!
А вы, друзья, лобзанье
В завет: *здесь* верная любви,
Там сладкого свиданья!..

**ФЕДОР НИКОЛАЕВИЧ
ГЛИНКА**

(1786—1880)

**ВОЕННАЯ ПЕСНЬ, НАПИСАННАЯ
ВО ВРЕМЯ ПРИБЛИЖЕНИЯ НЕПРИЯТЕЛЯ
К СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ**

Раздался звук трубы военной,
Гремит сквозь бури бранный гром;
Народ, развратом воспоенный,
Грозит нам рабством и ярмом!
Текут толпы, корыстью гладны,
Ревут, как звери плотоядны,
Алкая пить в России кровь.
Идут, сердца их — жесткий камень,
В руках вращают меч и пламень
На гибель весей и градов!

В крови омоченны знамена
Багреют в трепетных полях,
Враги нам вьют вериги плена,
Насилье грозно в их полках.
Идут, влекомы жаждой дани, —
О страх! срывают дерзки длани
Со храмов Божьих лепоту!

Идут — и след их пепл и степи!
На старцев возлагают цепи,
Влекут на муки красоту!

Теперь ли нам дремать в покое,
России верные сыны?!
Пойдем, сомкнемся в ратном строе,
Пойдем — и в ужасах войны
Друзьям, Отечеству, народу
Отыщем славу и свободу
Иль все падем в родных полях!
Что лучше: жизнь — где узы плена,
Иль смерть — где росские знамена?
В героях быть или в рабах?

Исчезли мира дни счастливы,
Пылает зарево войны;
Простите, веси, паствы, нивы!
К оружию, дети тишины!
Теперь, сей час же мы, о други!
Скуем в мечи серпы и плуги;
На бой теперь — иль никогда!
Замедлим час — и будет поздно!
Уж близко, близко время грозно;
Для всех равно близка беда!

И всех, мне мнится, клятву внемлю:
Забав и радостей не знать,
Доколе враг святую землю
Престанет кровью обагрять!
Там друг зовет на битву друга,
Жена, рыдая, шлет супруга,
И мать в бой — своих сынов!

Жених не мыслит о невесте,
И громче труб на поле чести
Зовет к Отечеству любовь!

**СОЛДАТСКАЯ ПЕСНЬ, СОЧИНЕННАЯ
И ПЕТАЯ ВО ВРЕМЯ СОЕДИНЕНИЯ ВОЙСК
У ГОРОДА СМОЛЕНСКА В ИЮЛЕ 1812 ГОДА**

На голос: *Веселяся в чистом поле.*

Вспомним, братцы, россов славу
И пойдем врагов разить!
Защитим свою державу:
Лучше смерть — чем в рабстве жить.

Мы вперед, вперед, ребята,
С Богом, верой и штыком!
Вера нам и верность свята:
Победим или умрем!

Под смоленскими стенами,
Здесь, России у дверей,
Стать и биться нам с врагами!..
Не пропустим злых зверей!

Вот рыдают наши жены,
Девы, старцы вопиют,
Что злодеи разъяренны
Меч и пламень к ним несут.

Враг строптивый мечет громы,
Храмов Божьих не щадит;

Топчет нивы, пáлит дома,
Змеем лютым в Русь летит!

Русь святую разоряет!..
Нет уж сил владеть собой:
Бранный жар в крови пылает,
Сердце просится на бой!

Мы вперед, вперед, ребята,
С Богом, верой и штыком!
Вера нам и верность свята:
Победим или умрем!

ПЕСНЬ СТОРОЖЕВОГО ВОИНА ПЕРЕД БОРОДИНСКОЮ БИТВОЮ*

Друзья! Мы на берегах *Колóчи*,
Врагов к нам близок стан;
Мы сну не покоряем очи,
Не слышим боли ран!..

Друзья, бодрей! Друзья, смелей!
Не до покоя нам!
Идет злодей, грозит злодей
Москвы златым верхам!

Там в пепле край, вот в Божий храм
С конем вломился враг!
Тут лечь костями, тут биться нам:
До града предков — шаг!

Славян сыны! Войны сыны!
Не выдадим Москвы!

Спасем мы честь родной страны
Иль сложим здесь главы!..

Уж гул в полях, уж шум слышней!
День близок роковой...
Заря светлей, огни бледней...
Нас кличет враг на бой!

Идет на нас, к нему пойдем
В широкие поля;
Прими ты нас, когда падем,
Родимая земля!..

...Так воин на берегах *Колочи*
Друзьям пред боем пел;
И сон не покорял их очи,
И дух в них пламенел!

АВАНГАРДНАЯ ПЕСНЬ

Друзья! Враги грозят нам боем,
Уж сёла ближние в огне,
Уж Милорадович пред строем
Летает вихрем на коне.
Идем, идем, друзья, на бой!
Герой! нам смерть сладка с тобой.

Зарделся блеск зари в лазури;
Как миг, исчезла ночи тень!
Гремит предвестник бранной бури,
Мы будем биться целый день.
Идем, идем, друзья, на бой!
Герой! нам смерть сладка с тобой.

Друзья! Не ново нам с зарями
Бесстрашно в жаркий бой ходить,
Стоять весь день богатырями
И кровь врагов, как воду, лить!
Идем, идем, друзья, на бой!
Герой! нам смерть сладка с тобой.

Пыль вьется, двинет враг с полками,
Но с нами вождь сердец — герой!
Он биться нам велит штыками,
Штыками крепок *русский* строй!
Идем, идем, друзья, на бой!
Герой! нам смерть сладка с тобой.

Здесь *Милорадович* пред строем,
Над нами Бог, победа с ним;
Друзья, мы вихрем за героем
Вперед... умрем иль победим!
Идем, идем, друзья, на бой!
Герой! нам смерть сладка с тобой.

Х о р

Идем, идем, друзья, на бой!
Герой! нам смерть сладка с тобой.

КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ
БАТЮШКОВ

(1787—1855)

К ДАШКОВУ

Мой друг! я видел море зла
И неба мстительного кары:
Врагов неистовых дела,
Войну и гибельны пожары.
Я видел сонмы богачей,
Бегущих в рубищах издранных,
Я видел бледных матерей,
Из милой Родины изгнанных!
Я на распутье видел их,
Как, к персям чад прижав грудных,
Они в отчаяньи рыдали
И с новым трепетом взирали
На небо рдяное кругом.
Трикраты с ужасом потом
Бродил в Москве опустошенной,
Среди развалин и могил;
Трикраты прах ее священный
Слезами скорби омочил.
И там, где зданья величавы
И башни древние царей,
Свидетели протекшей славы
И новой славы наших дней;

И там, где с миром почивали
Останки иноков святых
И мимо веки протекали,
Святыни не касаясь их;
И там, где роскоши рукою,
Дней мира и трудов плоды,
Пред златоглавою Москвою
Воздвиглись храмы и сады, —
Лишь угли, прах и камней горы,
Лишь груды тел кругом реки,
Лишь нищих бледные полки
Везде мои встречали взоры!..
А ты, мой друг, товарищ мой,
Велишь мне петь любовь и радость,
Беспечность, счастье и покой
И шумную за чашей младость!
Среди военных непогод,
При страшном зареве столицы,
На голос мирных цевницы
Сзывать пастушек в хоровод!
Мне петь коварные забавы
Армид и ветреных цирцей
Среди могил моих друзей,
Утраченных на поле славы!..
Нет, нет! талант погибни мой
И лира, дружбе драгоценна,
Когда ты будешь мной забвенна,
Москва, Отчизны край златой!
Нет, нет! пока на поле чести
За древний град моих отцов
Не понесу я в жертву мести
И жизнь, и к Родине любовь;
Пока с израненным героем,

Кому известен к славе путь,
Три раза не поставлю грудь
Перед врагов сомкнутым строем, —
Мой друг, дотоле будут мне
Все чужды музы и хариты,
Венки, рукой любви свиты,
И радость шумная в вине!

ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ РЕЙН 1814

Меж тем как воины вдоль идут по полям,
Завидя вдалеке твои, о Рейн, волны,
Мой конь, веселья полный,
От строя отделясь, стремится к берегам,
На крыльях жажды прилетает,
Глокает хладную струю
И грудь, усталую в бою,
Желанной влагой обновляет...

О радость! я стою при Рейнских водах!
И, жадные с холмов в окрестность броса
взоры,
Приветствую поля и горы,
И замки рыцарей в туманных облаках,
И всю страну, обильну славой,
Воспоминаньем древних дней,
Где с Альпов вечною струей
Ты льешься, Рейн величавый!

Свидетель древности, событий всех времен,
О Рейн, ты поил несчетны легионы,
Мечом писавшие законы

Для гордых Германа кочующих племен;
Любимец счастья, бич свободы,
Здесь Кесарь бился, побеждал,
И конь его переплывал
Твои священные, Рейн, воды.

Века мелькнули: мир крестом преображен,
Любовь и честь в душах суровых
пробудились.

Здесь витязи вооружились
Копьем за жизнь сирот, за честь прелестных
жен;

Тут совершались их турниры,
Тут бились храбрые — и здесь
Не умер, мнится, и поднесь
Звук сладкий трубадуров лиры.

Так, здесь под тению смоковниц и дубов,
При шуме сладостном нагорных водопадов,
В тени цветущих сёл и градов
Восторг живет еще среди избранных сынов.
Здесь всё питает вдохновенье:
Простые нравы праотцов,
Святая к Родине любовь
И праздной роскоши презренье.

Всё, всё, — и вид полей, и вид священных
вод,
Туманной древности и бардам современных,
Для чувств и мыслей дерзновенных
И силу новую, и крылья придает.
Свободны, горды, полудики,
Природы верные жрецы,

Тевтонски пели здесь певцы...
И смолкли их волшебны лики.

Ты сам, родитель вод, свидетель всех времен,
Ты сам, до наших дней спокойный,
величавый,

С падением народной славы,
Склонил чело, увы! познал и стыд и плен...
Давно ли брег твой под орлами
Аттилы нового стенал
И ты уныло протекал
Между враждебными полками?

Давно ли земледел вдоль красных берегов,
Средь виноградников заветных и священных,
Полки встречал иноплемённых
И ненавистный взор зареинских сынов?
Давно ль они, кичаяся, пили
Вино из синих хрусталей
И кони их среди полей
И зрелых нив твоих бродили?

И час судьбы настал! Мы здесь, сыны снегов,
Под знаменем Москвы, с свободой
и с громами!..

Стеклись с морей, покрытых льдами,
От струй полуденных, от Каспия валов,
От волн Улеи и Байкала,
От Волги, Дона и Днепра,
От града нашего Петра,
С вершин Кавказа и Урала!..

Стеклись, нагрянули за честь своих граждан,
За честь твердынь, и сёл, и нив опустошённых,
И берегов благословенных,
Где расцвело в тиши блаженство россиян,
Где ангел мирный, светозарный
Для стран полуночи рожден
И провиденьем обречен
Царю, Отчизне благодарной.

Мы здесь, о Рейн, здесь! ты видишь блеск
мечей!
Ты слышишь шум полков и новых коней
ржанье,
«Ура» победы и званье
Идущих, скачущих к тебе богатырей.
Взвывая к небу прах летучий,
По трупам вражеским летят
И вот — коней лихих поят,
Кругом заставляя дол зыбучий.

Какой чудесный пир для слуха и очей!
Здесь пушек светла медь сияет за конями,
И ружья длинными рядами,
И стяги древние средь копий и мечей,
Там шлемы воев оперённые,
Тяжелой конницы строй,
И легких всадников рой —
В текучей влаге отражённые!

Там слышен стук секир — и пал угрюмый
лес!
Костры над Рейном дымятся и пылают!
И чаши радости сверкают,

И клики воинов восходят до небес!
Там ратник ратника объемлет;
Там точит пеший штык стальной;
И конный грозною рукой
Крылатый дротик свой колеблет.

Там всадник, опершись на светлу сталь копья,
Задумчив и один, на берегу высоком
Стоит и жадным ловит оком
Реки излучистой последние края.
Быть может, он воспоминает
Реку своих родимых мест –
И на груди свой медный крест
Невольно к сердцу прижимает...

Но там готовится, по манию вождей,
Бескровный жертвенник средь гибельных
трофеев,

И богу сильных Маккавеев
Коленопреклонен служитель алтарей.
Его, шумя, приосеняет
Знамен Отчизны грозный лес;
И солнце юное с небес
Алтарь сияньем осыпает.

Все крики бранные умолкли, и в рядах
Благоговение внезапно воцарилось,
Оружье долу преклонилось,
И вождь, и ратники чело склонили в прах:
Поют Владыке вышней силы,
Тебе, подателю побед,
Тебе, незаходимый свет!
Дымятся мирные кадилы.

И се подвигнулись — валит за строем строй!
Как море шумное, волнуется все войско;
И эхо вторит клик геройской,
Досель неслышанный, о Рейн, над тобой!
Твой стонет берег гостеприимный,
И мост под воями дрожит!
И враг, завидя их, бежит,
От глаз в дали теряясь дымной!..

ВЛАДИМИР ФЕДОСЕЕВИЧ
РАЕВСКИЙ

(1795—1872)

ПЕСНЬ ВОИНОВ ПЕРЕД СРАЖЕНИЕМ

Заутра грозный час отмщенья,
Заутра, други, станем в строй,
Не страшно битвы приближенье
Тому, кто дышит лишь войной!..
Сыны полуночи суровой,
Мы знаем смело смерть встречать,
Нам бури, вихрь и хлад знакомы.
Пускай с полсветом хищный тать
Нахлынул, злобой ополченный,
В пределы наши лавр стяжать;
Их сонмы буйные несчетны,
Но нам не нужно их считать.
Пусть старец вождь прострет рукою
И скажет: «Там упорный враг!»
Рассеем громы пред собою —
И исполин стоглавый — в прах!..

Сей новый Ксеркс стопою силы,
Как огонь всежгучий, к нам притек
Узреть Батыевы могилы,
Сарматов плен и шведов рок,

Узреть поля опустошённые,
Прах мирных сел и городов,
И небо, заревом возжжено,
И вокруг — изрытый ряд гробов,
А пред собой — перуны мести
И твердокаменную грудь
С хоругвью: «Смерть на поле чести
Или свершим опасный труд».
Ужель страшиться нам могилы?
И лучше ль смерти плен отцов,
Ярем и стыд Отчизны милой
И власть надменных пришлецов?

Нет, нет, судьба нам меч вручила,
Чтобы покой отцов хранить.
Мила за Родину могила,
Без Родины поносно жить!
Пусть дети неги и порока
С увялой, рабскою душой
Трепещут гибельного рока,
Неразлучимого с войной,
И спят на ложе пресыщенья,
Когда их братья кровь лият.
Постыдной доле их — презренье!
Во тьме дни слабых протекут!
А нам Отчизны взор — награда
И милых по сердцу привет;
Низвергнем сонмы супостата,
И с славой нам восплещет свет!..

Краса певцов, наш бард любимый,
Жуковский в струны загремит,

И глас его непобедимых
Венком бессмертья отличит.
И юный росс, приникший слухом
К его цевнице золотой,
Геройским вспыхивает духом
И, как с гнезда орел молодой,
Взлетит искать добычи бранной
Вослед испытанным вождям...
О други! близок час желанный
И близок грозный час врагам, —
Певцы передадут потомству
Наш подвиг, славу, торжество.
Устроим гибель вероломству,
Дух мести — наше божество!

Но, други, луч блеснул денницы,
Туман редеет по полям,
И вестник утра, гром, сторицей
Зовет дружины к знаменам.
И мощный вождь перед полками
И с ним вождей бесстрашных сонм
Грядут!.. с победными громами
И взором ищут стан врагов...
К мечам!.. Там ждет нас подвиг славы,
Пред нами смерть, и огонь, и гром,
За нами горы тел кровавых,
И враг с растерзанным челом
В плену ждет низкого спасенья!..
Труба, сопутник наш, гремит!..
Друзья! В пылу огней сраженья
Обет наш: «Пасть — иль победить!»

КОНДРАТИЙ ФЕДОРОВИЧ
РЫЛЕЕВ

(1795—1826)

А. П. ЕРМОЛОВУ

Наперсник Марса и Паллады!
Надежда сограждán, России верный сын,
Ермолов! Поспеши спасти сынов Эллады,
Ты, гений северных дружин!
Узрев тебя, любимец славы,
По манию твоей руки,
С врагами лютыми, как вихрь, на бой кровавый
Помчатся грозные полки —
И, цепи сбросивши панического страха,
Как Феникс молодой,
Воскреснет Греция из праха
И с древней доблестью ударит за тобой!..
Уже в отечестве потомков Фемистокла
Повсюду подняты свободы знаменá,
Геройской кровию земля промокла
И трупами врагов удобрена!
Проснулись вздремавшие перуны,
Отвсюду храбрые текут!
Теки ж, теки и ты, о витязь юный,
Тебя все ратники, тебя победы ждут...

ДИМИТРИЙ ДОНСКОЙ

«Доколь нам, други, пред тираном
Склонять покорную главу
И заодно с презренным ханом
Позорить сильную Москву?
Не нам, не нам страшиться битвы
С толпáми грозными врагов:
За нас и Сергия молитвы,
И прах замученных отцов!

Летим — и возвратим народу
Залог блаженства чуждых стран:
Святую праотцев свободу
И древние права граждán.
Туда! за Дон!.. настало время!
Надежда наша — Бог и меч!
Сразим моголов и, как бремя,
Ярмо Мамая сбросим с плеч!»

Так Дмитрий, рать обзревая,
Красуясь на коне, гремел
И, в помощь Бога призывая,
Перуном грозным полетел...
«К врагам! за Дон! — вскричали войски, —
За вольность, правду и закон!» —
И, повторяя клик геройский,
За князем ринулися в Дон.

Несутся, полные отваги,
Волн упреждают быстрый бег;
Летят, как соколы, — и стяги
Противный осенили брег.

Мгновенно солнце озарило
Равнину и берега реки
И взору вдалеке открыло
Татар несметные полки.

Луга, равнины, доли, горы
Толпами пестрыми кипят;
Всех сил объять не могут взоры...
Повсюду бердыши блестят.
Идут, как мрачные дубравы, —
И вторят степи гул глухой;
Идут... там хан, здесь чада славы —
И закипел кровавый бой!..

«Бог нам прибежище и сила! —
Рек Дмитрий на челе полков. —
Умрем, когда судьба судила!»
И первый грянул на врагов.
Кровь хлынула — и тучи пыли,
Поднявшись вихрем к небесам,
Светило дня от глаз сокрыли,
И мрак простерся по полям.

Повсюду хлещет кровь ручьями,
Зеленый побагрóвел дол:
Там русский поражен врагами,
Здесь пал растоптанный могол,
Тут слышен копий треск и звуки,
Там сокрушился меч о меч.
Летят отсеченные руки,
И головы катятся с плеч.

А там, под тению кургана,
Презревший славу, сан и свет,
Лежит, низвергнув великана,
Отважный инок Пересвет.
Там Белозерский князь и чада,
Достойные его любви,
И окрест их татар громада,
В своей потопшая крови.

Уж многие из храбрых пали,
Великодушный сонм редел;
Уже враги одолевали,
Татарин дикий свирепел.
К концу клонился бой кровавый,
И черный стяг был пасть готов, —
Как вдруг орлом из-за дубравы
Волынский грянул на врагов.

Враги смешались — от кургана
Промчалось: «Сйлен русский Бог!» —
И побежала рать тирана,
И сокрушен гордыни рог!
Помчался хан в глухие степи,
За ним — шумящим враном страх;
Расторгнул русский рабства цепи
И стал на вражеских костях!..

Но кто там, бледен, близ дубравы,
Обрызган кровию, лежит?
Что зрю?.. Первоначальник славы¹,
Димитрий ранен... страшный вид!..

---

¹ Выражение летописца.

Ужель изречено судьбою
Ему быть жертвой битвы сей?
Но вот к стнящему герою
Притек сонм воев и князей.

Вот, преклонив трофеи брани,
Гласят: «Ты победил! восстань!»
И князь, воздевши к Небу длани:
«Велик нас ополчивший в брань!
Велик! — речет, — к нему молитвы!
Он Сергия услышал глас;
Ему вся слава грозной битвы;
Он, он один прославил нас!»

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ
ПУШКИН
(1799—1837)

ВОСПОМИНАНИЯ В ЦАРСКОМ СЕЛЕ

Навис покров угрюмой ночи
На своде дремлющих небес;
В безмолвной тишине почили дол и рощи,
В седом тумане дальний лес;
Чуть слышится ручей, бегущий в сень дубравы,
Чуть дышит ветерок, уснувший на листьях,
И тихая луна, как лебедь величавый,
Плывет в серебристых облаках.

С холмов кремнистых водопады
Стекают бисерной рекой,
Там в тихом озере плескаются наяды
Его ленивою волной;
А там в безмолвии огромные чертоги,
На своды опершись, несутся к облакам.
Не здесь ли мирны дни вели земные боги?
Не се ль Минервы русской храм?

Не се ль Элизиум полнощный,
Прекрасный Царскосельский сад,

Где, льва сразив, почил орел России мощный
На лоне мира и отрад?
Промчались навсегда те времена златые,
Когда под скипетром великия жены
Венчалась славою счастливая Россия,
Цветя под кровом тишины!

Здесь каждый шаг в душе рождает
Воспоминанья прежних лет;
Воззрев вокруг себя, со вздохом росс вещает:
«Исчезло все, великой нет!»
И, в думу углублен, над злачными берегами
Сидит в безмолвии, склоняя ветром слух.
Протекшие лета мелькают пред очами,
И в тихом восхищенье дух.

Он видит: окружен волнами,
Над твердой мшистою скалой
Вознесся памятник. Шираяся крылами,
Над ним сидит орел молодой.
И цепи тяжкие, и стрелы громовые
Вкруг грозного столпа трикратно обвилились;
Кругом подножия, шумя, валы седые
В блестящей пене улеглись.

В тени густой угрюмых сосен
Воздвигся памятник простой.
О, сколь он для тебя, кагульский брег,
поносен!

И славен Родине драгой!
Бессмертны вы вовек, о росски исполины,
В боях воспитанны средь бранных непогод!

О вас, сподвижники, друзья Екатерины,
Пройдет молва из рода в род.

О, громкий век военных споров,
Свидетель славы россиян!
Ты видел, как Орлов, Румянцев и Суворов,
Потомки грозные славян,
Перуном Зевсовым победу похищали;
Их смелым подвигам страхась, дивился мир;
Державин и Петров героям песнь бряцали
Струнами громозвучных лир.

И ты промчался, незабвенный!
И вскоре новый век узрел
И брани новые, и ужасы военны;
Страдать — есть смертного удел.
Блеснул кровавый меч в неукротимой длани
Коварством, дерзостью венчанного царя;
Восстал вселенной бич — и вскоре новой
брани
Зарделась грозная заря.

И быстрым понеслись потоком
Враги на русские поля.
Пред ними мрачна степь лежит во сне
глубоком,
Дымится кровию земля;
И сёла мирные, и грады в мгле пылают,
И небо заревом оделося вокруг,
Леса дремучие бегущих укрывают,
И праздный в поле ржавит плуг.

Идут — их силе нет препоны,
Всё рушат, всё свергают в прах,
И тени бледные погибших чад Беллоны,
В воздушных съединясь полках,
В могилу мрачную нисходят непрерывно
Иль бродят по лесам в безмолвии ночи...
Но клики раздались!.. идут в дали туманной! —
Звучат кольчуги и мечи!..

Страшись, о рать иноплеменных!
России двинулись сыны;
Восстал и стар и млад; летят на дерзновенных,
Сердца их мщеньем зажжены.
Вострепечи, тиран! уж близок час паденья!
Ты в каждом ратнике узришь богатыря,
Их цель иль победить, иль пасть в пылу
сраженья...

За Русь, за святость алтаря.

Ретивы кони бранью пышут,
Усеян ратниками дол,
За строем строй течет, все местью, славой дышат,
Восторг во грудь их перешел.
Летят на грозный пир; мечам добычи ищут,
И се — пылает брань; на холмах гром гремит,
В сгущенном воздухе с мечами стрелы свищут,
И брызжет кровь на щит.

Сразились. Русский — победитель!
И вспять бежит надменный галл;
Но сильного в боях небесный Вседержитель
Лучом последним увенчал,

Не здесь его сразил воитель поседелый;
О бородинские кровавые поля!
Не вы неистовству и гордости пределы!
Увы! на башнях галл Кремля!..

Края Москвы, края родные,
Где на заре цветущих лет
Часы беспечности я тратил золотые,
Не зная горести и бед.
И вы их видели, врагов моей Отчизны!
И вас багрила кровь и пламень пожирал!
И в жертву не принес я мщенья вам и жизни;
Вотще лишь гневом дух пылал!..

Где ты, краса Москвы стоголавой,
Родимой прелесть стороны?
Где прежде взору град являлся величавый,
Развалины теперь одни;
Москва, сколь русскому твой зрак унылый
страшен!
Исчезли здания вельможей и царей,
Все пламень истребил. Венцы затмились
башен,
Чертоги пали богачей.

И там, где роскошь обитала
В сенистых рощах и садах,
Где мирт благоухал и липа трепетала,
Там ныне угли, пепел, прах.
В часы безмолвные прекрасной летней ночи
Веселье шумное туда не полетит,
Не блещут уж в огнях берега и светлы рощи:
Всё мертво, всё молчит.

Утешься, мать градов России,
Возри на гибель пришлеца.
Отяготела днесь на их надменны выи
Десница мстящая Творца.
Взгляни: они бегут, озреться не дерзают,
Их кровь не престаёт в снегах река́ми течь;
Бегут — и в тьме ночной их глад и смерть
сретают,
А с тыла гонит русский меч.

О вы, которых трепетали
Европы сильны племена,
О галлы хищные! и вы в могилы пали.
О страх! о грозны времена!
Где ты, любимый сын и счастья, и Беллоны,
Презревший правды глас, и веру, и закон,
В гордыне возмечтав мечом низвергнуть
троны?
Исчез, как утром страшный сон!

В Париже росс! — где факел мщенья?
Поникни, Галлия, главой.
Но что я вижу? Росс с улыбкой примиренья
Грядет с оливою златой.
Еще военный гром грохочет в отдаленье,
Москва в унынии, как степь в полнощной мгле,
А он — несет врагу не гибель, но спасенье
И благотворный мир земле.

О скальд России вдохновенный,
Воспевший ратных грозный строй,

В кругу товарищей, с душой воспламененной,
Греми на арфе золотой!
Да снова стройный глас героям в честь
прольется,
И струны гордые посыпят огонь в сердца,
И ратник молодой вскипит и содрогнется
При звуках бранного певца.

ПОЛТАВА

(Отрывок)

Горит восток зарею новой.
Уж на равнине, по холмам
Грохочут пушки. Дым багровый
Кругами всходит к небесам
Навстречу утренним лучам.
Полки ряды свои сомкнули.
В кустах рассыпались стрелки.
Катятся ядра, свищут пули;
Нависли хладные штыки.
Сыны любимые победы,
Сквозь огонь окопов рвутся шведы;
Волнуясь, конница летит;
Пехота движется за нею
И тяжелой твердостью своею
Ее стремление крепит.
И битвы поле роковое
Гремит, пылает здесь и там;
Но явно счастье боевое
Служить уж начинает нам.
Пальбой отбитые дружины,

Мешаясь, падают во прах.
Уходит Розен сквозь теснины;
Сдается пылкий Шлипенбах.
Тесним мы шведов рать за ратью;
Темнеет слава их знамен,
И бога браней благодатью
Наш каждый шаг запечатлен.

Тогда-то свыше вдохновенный
Раздался звучный глас Петра:
«За дело, с Богом!» Из шатра,
Толпой любимцев окруженный,
Выходит Петр. Его глаза
Сияют. Лик его ужасен.
Движенья быстры. Он прекрасен,
Он весь как Божия гроза.
Идет. Ему коня подводят.
Ретив и смирен верный конь.
Почуя роковой огонь,
Дрожит. Глазами косо водит
И мчится в прахе боевом,
Гордясь могущим седоком.

Уж близок полдень. Жар пылает.
Как пахарь, битва отдыхает.
Кой-где гарцуют казаки.
Равняясь, строятся полки.
Молчит музыка боевая.
На холмах пушки, присмирив,
Прервали свой голодный рев.
И се — равнину оглашая,
Далече грянуло *ура*:
Полки увидели Петра.

И он промчался пред полками,
Могущ и радостен, как бой.
Он поле пожирал очами.
За ним вослед неслись толпой
Сии птенцы гнезда Петрова —
В временах жребия земного,
В трудах державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметев благородный,
И Брюс, и Боур, и Репнин,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелин.

И перед синими рядами
Своих воинственных дружин,
Несомый верными слугами,
В качалке, бледен, недвижим,
Страдая раной, Карл явился.
Вожди героя шли за ним.
Он в думу тихо погрузился.
Смущенный взор изобразил
Необычайное волнение.
Казалось, Карла приводил
Желанный бой в недоуменье...
Вдруг слабым манием руки
На русских двинул он полки.

И с ними царские дружины
Сошлись в дыму среди равнины:
И грянул бой, Полтавский бой!
В огне, под градом раскаленным,
Стеной живою отраженным,
Над падшим строем свежий строй

Штыки смыкает. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся сплеча.
Бросая груды тел на груды,
Шары чугунные повсюду
Меж ними прыгают, разят,
Прах роют и в крови шипят.
Швед, русский — колет, рубит, режет.
Бой барабанный, клики, скрежет,
Гром пушек, топот, ржанье, стон,
И смерть, и ад со всех сторон...

Но близок, близок миг победы.
Ура! мы ломим; гнутся шведы.
О, славный час! о, славный вид!
Еще напор — и враг бежит.
И следом конница пустилась,
Убийством тупятся мечи,
И падшими вся степь покрылась,
Как роем черной саранчи.

Пирует Петр. И горд, и ясен,
И славы полон взор его.
И царский пир его прекрасен.
При кликах войска своего,
В шатре своем он угощает
Своих вождей, вождей чужих,
И славных пленников ласкает,
И за учителей своих
Заздравный кубок подымает...

ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН

(Отрывок из VII главы)

XXXVI

Но вот уж близко. Перед ними
Уж белокаменной Москвы,
Как жар, крестами золотыми
Горят старинные главы.
Ах, братцы! как я был доволен,
Когда церквей и колоколен,
Садов, чертогов полукруг
Открылся предо мною вдруг!
Как часто в горестной разлуке,
В моей блуждающей судьбе,
Москва, я думал о тебе!
Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось!

XXXVII

Вот, окружен своей дубравой,
Петровский замок. Мрачно он
Недавнею гордится славой.
Напрасно ждал Наполеон,
Последним счастьем упоенный,
Москвы коленопреклоненной
С ключами старого Кремля:
Нет, не пошла Москва моя
К нему с повинной головою.

Не праздник, не приемный дар,
Она готовила пожар
Нетерпеливому герою.
Отселе, в думу погружен,
Глядел на грозный пламень он...

АНТОН АНТОНОВИЧ
ДЕЛЬВИГ

(1798—1831)

СОНЕТ

Что вдали блеснуло и дымится?
Что за гром раздался по заливу?
Подо мной конь вздрогнул, поднял гриву,
Звонко ржет, грызет узду, бодрится.

Снова блеск... Гром, грянув, долго длится,
Отданный прибрежному отзýву...
Зевс ли то, гремя, летит на ниву,
И она, роскошная, плодится?

Нет, то флот. Вот выплыли ветрилы,
Притекли громада за громадой;
Наш орел над русскою армадой

Распростер блистательные крылы
И гласит: «С кем испытать мне силы?
Кто дерзнет и станет мне преградой?»

ЕВГЕНИЙ АБРАМОВИЧ
БАРАТЫНСКИЙ

(1800—1844)

К*** ПРИ ОТЪЕЗДЕ В АРМИЮ

Итак, мой милый, не шутя,
Сказав *прости* домашней неге,
Ты, ус мечтательный крутя,
На шибко скачущей телеге
От нас, увы! далеко прочь,
О нас, увы! не сожалея,
Летишь курьером день и ночь
Туда, туда, к шатрам Арея!
Итак, в мундире щегольском
Ты скоро станешь в ратном строе
Меж удальцами удальцом!
О милый мой! согласен в том:
Завидно счастье такое!
Не приобщуся невпопад
Я к мудрецам, чрез меру важным.
Иди! воинственный наряд
Приличен юношам отважным.
Люблю я бранные шатры,
Люблю беспечность полковую,
Люблю красивые смотры,
Люблю тревогу боевую,

Люблю я храбрых, воин мой,
Люблю их видеть в битве шумной
Летящих в пламень роковой
Толпой веселой и безумной!
Священный долг за ними вслед
Тебя зовет, любовник брани;
Ступай, служи богине бед,
И к ней трепещущие длани
С мольбой подымет твой поэт.

Д. ДАВИДОВУ

Пока с восторгом я умею
Внимать рассказу славных дел,
Любовью к чести пламенею
И к песням муз не охладел,
Покуда русский я душою,
Забуду ль о счастливом дне,
Когда приятельскою рукою
Пожал Давыдов руку мне!
О ты, который в пыл сражений
Полки лихие бурно мчал
И гласом бранных песнопений
Сердца бесстрашных волновал!
Так, так! покуда сердце живо
И трепетать ему не лень,
В воспоминанье горделиво
Хранить я буду оный день!
Клянусь, Давыдов благородный,
Я в том Отчизною свободной,
Твоею лирой боевой
И в славный год войны народной
В народе славной бородой!

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ
ЯЗЫКОВ

(1803—1846)

Д. В. ДАВЫДОВУ

Жизни баловень счастливый,
Два венка ты заслужил;
Знать, Суворов справедливо
Грудь тебе перекрестил!
Не ошибся он в дитяти:
Вырос ты — и полетел,
Полон всякой благодати,
Под знамена русской рати,
Горд, и радостен, и смел.

Грудь твоя горит звездами:
Ты геройски добыл их
В жарких схватках со врагами,
В ратоборствах роковых;
Воин смлада знаменитый,
Ты еще под шведом был,
И на финские граниты
Твой скакун звучнокопытый
Блеск и топот возносил.

Жизни бурно-величавой
Полюбил ты шум и труд:

Ты ходил с войной кровавой
На Дунай, на Буг и Прут;
Но тогда лишь собиралась
Прямо русская война;
Многогромная скоплялась
Вдалеке — и к нам примчалась
Разрушительно-грозна.

Чу! труба продребезжала!
Русь! тебе надменный зов!
Вспомяни ж, как ты встречала
Все нашествия врагов!
Сзови из стран далеких
Ты своих богатырей,
Со степей, с равнин широких,
С рек великих, с гор высоких,
От осьми твоих морей!

Пламень в небо упирая,
Лют пожар Москвы ревет;
Златоглавая, святая,
Ты ли гибнешь? Русь, вперед!
Громче буря истребленья,
Крепче смелый ей отпор!
Это жертвенник спасенья,
Это пламень очищенья,
Это фениксов костер!

Где же вы, незваны гости,
Сильны славой и числом?
Снег засыпал ваши кости!
Вам почетный был прием!
Упилися, еле живы,

Вы в московских теремах,
Тяжелы домой пошли вы,
Безобразно полегли вы
На холодных пустырях!

Вы отведать русской силы
Шли в Москву: за делом шли!
Иль не стало на могилы
Вам отеческой земли!
Много в этот год кровавый,
В эту смертную борьбу,
У врагов ты отнял славы,
Ты, боец чернокудрявый,
С белым локоном на лбу!

Удальцов твоих налетом
Ты, их честь, пример и вождь, —
По лесам и по болотам,
Днем и ночью, в вихрь и дождь,
Сквозь огни и дым пожара
Мчал врагам, с твоей толпой
Вездесущ, как Божья кара,
Стран нежданного удара
И нещадный, дикий бой!

Лучезарна слава эта,
И конца не будет ей;
Но такие ж многие лета
И поэзии твоей:
Не умрет твой стих могучий,
Достопамятно-живой,

Упоительный, кипучий,
И воинственно-летучий,
И разгульно-удалой.

Ныне ты на лоне мира:
И любовь и тишину
Нам поет золотая лира,
Гордо певшая войну.
И как прежде, громогласен
Был ее воинский лад,
Так и ныне свеж и ясен,
Так и ныне он прекрасен,
Полный неги и прохлад.

МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ
ЛЕРМОНТОВ

(1814—1841)

ДВА ВЕЛИКАНА

В шапке золота литого
Старый русский великан
Подждал к себе другого
Из далеких чуждых стран.

За горами, за долами
Уж гремел об нем рассказ,
И померяться главами
Захотелось им хоть раз.

И пришел с грозой военной
Трехнедельный удалец,
И рукою дерзновенной
Хватать за вражеский венец!

Но улыбкой роковою
Русский витязь отвечал:
Посмотрел — тряхнул главою...
Ахнул дерзкий — и упал!

Но упал он в дальнем море
На неведомый гранит,

Там, где буря на просторе
Над пучиною шумит.

БОРОДИНО

— Скажи-ка, дядя, ведь не даром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана?
Ведь были ж схватки боевые,
Да, говорят, еще какие!
Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина!

— Да, были люди в наше время,
Не то что нынешнее племя:
Богатыри — не вы!
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля...
Не будь на то Господня воля,
Не отдали б Москвы!

Мы долго молча отступали,
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
«Что ж мы? на зимние квартиры?
Не смеют, что ли, командиры
Чужие изорвать мундиры
О русские штыки?»

И вот нашли большое поле:
Есть разгуляться где на воле!
Построили редут.

У наших ушки на макушке!
Чуть утро осветило пушки
И леса синие верхушки —
Французы тут как тут.

Забил заряд я в пушку туго
И думал: «Угощу я друга!
Постой-ка, брат мусью!»
Что тут хитрить, пожалуй, к бою;
Уж мы пойдем ломить стеною,
Уж постоим мы головою
За Родину свою!

Два дня мы были в перестрелке.
Что толку в этакой безделке?
Мы ждали третий день.
Повсюду стали слышны речи:
«Пора добраться до картечи!»
И вот на поле грозной сечи
Ночная пала тень.

Прилег вздремнуть я у лафета,
И слышно было до рассвета,
Как ликовал француз.
Но тих был наш бивак открытый:
Кто кивер чистил весь избитый,
Кто штык точил, ворча сердито,
Кусая длинный ус.

И только небо засветилось,
Все шумно вдруг зашевелилось,
Сверкнул за строем строй.
Полковник наш рожден был хватом:

Слуга царю, отец солдатам...
Да, жаль его: сражен булатом,
Он спит в земле сырой.

И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»
И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой.

Ну ж был денек! Сквозь дым летучий
Французы двинулись как тучи,
И всё на наш редут.
Уланы с пестрыми значками,
Драгуны с конскими хвостами,
Все промелькнули перед нами,
Все побывали тут.

Вам не видать таких сражений!..
Носились знаменá, как тени,
В дыму огонь блестел,
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.

Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!..
Земля тряслась — как наши груди;
Смешались в кучу кони, люди,

И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой...

Вот смерклось. Были все готовы
Заутра бой затеять новый
И до конца стоять...

Вот затрещали барабаны —
И отступили бусурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.

Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя:

Богатыри — не вы.
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля.
Когда б на то не Божья воля,
Не отдали б Москвы!

РОДИНА

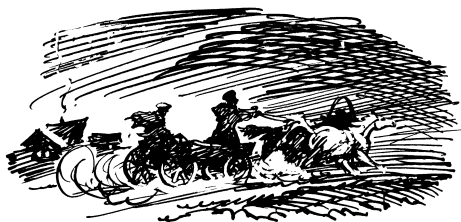
Люблю Отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.

Но я люблю — за что, не знаю сам, —
Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям;

Проселочным путем люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень;

Люблю дымок спаленной жнивы,
В степи ночующий обоз,
И на холме средь желтой нивы
Чету белеющих берез.

С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.

ВЛАДИМИР ГРИГОРЬЕВИЧ
БЕНЕДИКТОВ

(1807—1873)

БИВАК

Темно. Ни звездочки на черном неба своде.
Под проливным дождем на длинном переходе
Промокнув до костей, до сердца, до души,
Пришли на место мы — и мигом шалаши
Восстали, выросли. Ну, слава богу, дома!
И — роскошь! — вносится в отрадный мой

шалаш

Сухая, свежая, упругая солома.
А чайник что? — Кипит. О, чай — спаситель
наш!

Он тут. Идет денщик — служитель ратных
станов.

И слаще музыки приветный звон стаканов
Вдали уж слышится; и чайная струя
Спешит стаканов ряд наполнить до края.
Садишься и берешь — и с сладострастной
дрожью

Пьешь не́ктар, радость пьешь, глотаешь
милость Божью...

Нет, житель городской, как хочешь величай
Напиток жалкий свой, а только он — не чай!

Нет, люди мирные, — когда вы не живали
Бивачной жизнью, — вы чаю не пивали.
Глядишь: всё движется, волнуется, кипит;
Огни разведены — и что за чудный вид!
Такого и во сне вы, верно, не видали:
На грунте сумрачном необозримой дали
Фигуры воинов, как тени, то черны,
То алым пламенем красно освещены,
Картинно видятся в различных положеньях,
Кругами, группами, в раскидистых
движеньях,
Облиты заревом, под искрами огней,
Со всею прелестью голов их поседелых,
Мохнатых их усов, нависших их бровей,
И глаз сверкающих, и лиц перегорелых.
Забавник шут острит — и красное словцо
И добрый, звонкий смех готовы налицо.
Кругом и крик, и шум, и общий слитный
говор
Пред нами вновь денщик, — теперь уж он
как повар
Явился; ужин наш готов уже совсем.
Спасибо, мой Ватель! Спасибо, мой Карем!
Прекрасно! — И, дели́м живой артелью
братской,
Как вкусен без приправ простой кусок
солдатский!
Поели — на́ лоб крест — и на солому бух!
И уж герой храпит во весь геройский дух.
О, богатырский сон! Едва ль он перервется,
Хоть гром из тучи грянь, обрушья неба
твердь.
Великолепный сон! Он глубже, мне сдается,

Чем тот, которому дано название: смерть.
Там спишь, а душу всё подталкивает совесть,
А над ухом ее нашептывает повесть
Минувших дней твоих — а тут... но барабан
Вдруг грянул — и восстал, воспрянул
ратный стан.

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ
НЕКРАСОВ

(1821—1878)

14 ИЮНЯ 1854 ГОДА

Великих зрелищ, мировых судёб
Поставлены мы зрителями ныне;
Исконные, кровавые враги,
Соединясь, идут против России;
Пожар войны полмира обхватил,
И заревом зловещим осветились
Деяния держав миролюбивых...
Обращены в позорище вражды
Моря и суша... Медленно и глухо
К нам двинулись громады кораблей,
Хвастливо предрекая нашу гибель,
И наконец приблизились — стоят
Пред укрепленной русскою твердыней...
И ныне в урне роковой лежат
Два жребия... и наступает время,
Когда решитель мира и войны
Исторгнет их всесильною рукой
И свету потрясенному покажет.

.....
.....

* * *

Внимая ужасам войны,
При каждой новой жертве боя
Мне жаль не друга, не жены,
Мне жаль не самого героя...
Увы! утешится жена,
И друга лучший друг забудет;
Но где-то есть душа одна —
Она до гроба помнить будет!
Средь лицемерных наших дел
И всякой пошлости и прозы
Одни я в мире подсмотрел
Святые, искренние слезы —
То слезы бедных матерей!
Им не забыть своих детей,
Погибших на кровавой ниве,
Как не поднять плакучей иве
Своих поникнувших ветвей...

АФАНАСИЙ АФАНАСЬЕВИЧ
ФЕТ

(1820—1892)

СЕВАСТОПОЛЬСКОЕ
БРАТСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Какой тут дышит мир! Какая славы тризна
Средь кипарисов, мирт и каменных гробов!
Рукою набожной сложила здесь Отчизна
Священный прах своих сынов.

Они и под землей отвагой прежней дышат...
Боюсь, мои стопы покой их возмутят,
И мнится, все они шаги живого слышат,
Но лишь молитвенно молчат.

Счастливы! Вышею пылали вы любовью:
Тут что ни мавзолеей, ни надпись — всё боец,
И рядом улеглись, своей залиты кровью,
И дед со внуком, и отец.

Из каменных гробов их голос вечно слышен,
Им внуков поучать навеки суждено,
Их слава так чиста, их жребий так возвышен,
Что им завидовать грешно...

АПОЛЛОН НИКОЛАЕВИЧ
МАЙКОВ

(1821—1897)

СКАЗАНИЕ О 1812 ГОДЕ

Ветер гонит от востока
С воем снежные метели...
Дикой песнью злая вьюга
Заливается в пустыне...
По безлюдному простору,
Без ночлега, без привала,
Точно сонм теней, проходят
Славной армии остатки,
Егеря и гренадеры,
Кто окутан дамской шалью,
Кто церковною завесой, —
То в сугробах снежных вязнут,
То скользят, вразброд взбираясь
На подъем оледенелый...
Где пройдут — по всей дороге
Пушки брошены, лафеты;
Снег заносит трупы ко́ней,
И людей, и колымаги,
Нагружённые добычей
Из святых московских храмов...
Посреди разбитой рати

Едет вождь ее, привыкший
К торжествам лишь да победам...
В пошевнях на жалких клячах,
Едет той же он дорогой,
Где прошел еще недавно
Полный гордости и славы,
К той загадочной столице
С золотыми куполами,
Где, казалось, совершится
В полном блеске чудный жребий
Повелителя вселенной,
Сокрушителя империй...

Где ж вы, пышные мечтанья!
Гордый замысел!.. Надежды
И глубокие расчеты
Прахом стали, и упорно
Ищет он всему разгадки,
Где и в чем его ошибка?
Всё напрасно!..
И поник он, и, в дремоте,
Видит, как в приемном зале —
Незадолго до похода —
В Тюльери стоит он, гневный;
Венценосцев всей Европы
Перед ним послы: все внемлют
С трепетом его угрозам...
Лишь один стоит посланник,
Не склонив покорно взгляда,
С затаенною улыбкой...
И, вспыхивши, император:
«Князь, вы видите, — воскликнул, —
Мне никто во всей Европе

Не дерзает поперечить:
Император ваш — на что же
Он надеется, на что же?»

«Государь! — в ответ посланник. —
Взять в расчет вы позабыли,
Что за русским государем
Русский весь стоит народ!»
Он тогда расхохотался,
А теперь — теперь он вздрогнул...
И глядит: утихла вьюга,
На морозном небе звезды,
А кругом на горизонте
Всюду зарева пожаров...

Вспомнил он дворец Петровский,
Где бояр он ждал с поклоном
И ключами от столицы...
Вспомнил он пустынный город,
Вдруг со всех сторон объятый
Морем пламени... А мира —
Мира нет!.. И днем и ночью
Неустанная погоня
Вслед за ним врагов незримых...
Справа, слева — их миллионы
Там, в лесах... «Так вот что значит —
„Весь народ!..“»

И безнадежно

Вдаль он взоры устремляет:
Что-то грозное таится
Там, за синими лесами,
В необъятной этой дали...

ИВАН САВВИЧ
НИКИТИН

(1824—1861)

РУСЬ*

Под большим шатром
Голубых небес —
Вижу — даль степей
Зеленеется.

И на гранях их,
Выше темных туч,
Цепи гор стоят
Великанами.

По степям в моря
Реки катятся,
И лежат пути
Во все стороны.

Посмотрю на юг:
Нивы зрелые,
Что́ камыш густой,
Тихо движутся;

Мурава лугов
Ковром стелется,

Виноград в садах
Наливается.

Гляну к северу:
Там, в глуши пустынь,
Снег, что́ белый пух,
Быстро кружится;

Подымает грудь
Море синее,
И горами лед
Ходит по морю;

И пожар небес
Ярким заревом
Освещает мглу
Непроглядную...

Это ты, моя
Русь державная,
Моя Родина
Православная!

Широко ты, Русь,
По лицу земли
В красе царственной
Развернулася!

У тебя ли нет
Поля чистого,
Где б разгул нашла
Воля смелая?

У тебя ли нет
Про запас казны,
Для друзей стола,
Меча недругу?

У тебя ли нет
Богатырских сил,
Старины святой,
Громких подвигов?..

И давно ль было,
Когда с Запада
Облегла тебя
Туча темная?

Под грозой ее
Леса падали,
Мать сыра земля
Колебалась.

И зловецкий дым
От горевших сел
Высоко вставал
Черным облаком!

Но лишь кликнул царь
Свой народ на брань —
Вдруг со всех концов
Поднялася Русь.

Собрала детей,
Стариков и жен,

Приняла гостей
На кровавый пир.

И в глухих степях,
Под сугробами,
Улеглись спать
Гости навеки.

Хоронили их
Вьюги снежные,
Бури Севера
О них плакали!..

И теперь среди
Городов твоих
Муравьем кишит
Православный люд.

По седым морям,
Из далеких стран,
На поклон к тебе
Корабли идут.

И поля цветут,
И леса шумят,
И лежат в земле
Груды золота.

И во всех концах
Света белого
Про тебя идет
Слава громкая.

Уж и есть за что́,
Русь могучая,
Полюбить тебя,
Назвать матерью.

Стать за честь твою
Против недруга,
За тебя в нужде
Сложить голову!

НА ВЗЯТИЕ КАРСА

Таков удел твой, Русь святая, —
Величье кровью покупать;
На горах пепла, вырастая,
Не в первый раз тебе стоять.

В борьбе с чужими племенами
Ты возмужала, развилась,
И над мятежными волнами
Скалой громадной поднялась.

Опять борьба! Растут могилы...
Опять стоишь ты под грозой!
Но чую я, как крепнут наши силы,
И вижу я, как дети рвутся в бой...

За Русь! — гремит народный голос,
За Русь! — по ратям клик идет,
И дыбом подымается мой волос.
За Русь! — душа и тело вопиет...

ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ
БОГДАНОВ

(1837—1886)

ПРИВЕТ ТОВАРИЩАМ ВРАЧАМ
ПО ВОЗВРАЩЕНИИ ИХ С БАЛКАНСКОГО
ПОЛУОСТРОВА*

В семье врачей, присутствующих тут,
Мы с гордостью жмем крепко ваши руки.
Истории не лицемерный суд
Прославит лиц, под знаменем науки
Свершивших свой тяжелый труд.

Минувшая кровавая война
Героев ряд повсюду создавала,
И доблесть их молвой оценена...
Но труд врачей вполне ль молва узнала?
Узнала ль ваши имена?

Под грохот битв, идя с мечом в руках,
Нетрудно впасть в экстаз ожесточенья:
Задор борьбы прогонит смерти страх,
Ряд павших жертв пробудит жажду мщенья
И злоба заблестит в глазах.

Ряд подвигов герой тут совершит...
А в этот миг безвестный, незаметный

Врач трудится... В нем злоба не кипит, —
И холодно, с отвагой беззаветной
Он смерти тут в глаза глядит.

Смерть не щадит... Да, много свежих сил
Из вас легло на поле брани грозной, —
И длинный ряд безвременных могил,
Могил борцов с заразою тифозной
Ваш скорбный путь остановил...

Гром славы вас за подвиги не ждал.
На поле битв смерть храброго солдата
Встречала ряд восторженных похвал,
А новый врач умершего собрата
Собой безмолвно заменял.

На кладбище прах павшего несли
Без звука труб, без почести военной,
На гроб его бросали горсть земли —
И кончено!.. Что ж! факт обыкновенный —
От тифа умер... Погребли.

Лишь изредка в безмолвии палат
Страдальцев сонм труды врача вспомянет...

АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ
АПУХТИН

(1840—1893)

СОЛДАТСКАЯ ПЕСНЯ О СЕВАСТОПОЛЕ

Не веселую, братцы, вам песню спою,
    Не могучую песню победы,
Что певали отцы в Бородинском бою,
    Что певали в Очакове деды.

Я спою вам о том, как от южных полей
    Поднималось облако пыли,
Как сходили враги без числа с кораблей
    И пришли к нам, и нас победили.

А и так победили, что долго потом
    Не совались к нам с дерзким вопросом,
А и так победили, что с кислым лицом
    И с разбитым отчалили носом.

Я спою, как, покинув и дом и семью,
    Шел в дружину помещик богатый,
Как мужик, обнимая бабенку свою,
    Выходил ополченцем из хаты.

Я спою, как росла богатырская рать,
    Шли бойцы из железа и стали,

И как знали они, что идут умирать,
И как свято они умирали!

Как красавицы наши сиделками шли
К безотрадному их изголовью,
Как за каждый клочок нашей Русской земли
Нам платили враги своей кровью;

Как под грохот гранат, как сквозь пламя и дым,
Под немолчные, тяжкие стоны
Выходили редуты один за другим,
Грозной тенью росли бастионы.

И одиннадцать месяцев длилась резня,
И одиннадцать месяцев целых
Чудотворная крепость, Россию храня,
Хоронила сынов ее смелых...

Пусть не радостна песня, что вам я пою,
Да не хуже той песни победы,
Что певали отцы в Бородинском бою,
Что певали в Очакове деды.

АРСЕНИЙ АРКАДЬЕВИЧ
ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ

(1848—1913)

П Л Е В Н А

I

В ожидании

Каким-то медленным огнем
Душа усталая томима.
За часом час и день за днем,
Не торопясь, проходят мимо.
Ненастье, желтые листья,
Осенней вьюги завыванье,
В уме недвижимые мечты,
В груди немолчное страданье!
Примчится весть издалека,
Кругом запахнет кровью братской,
И вновь безмолвие, тоска,
Покой — ужасней муки адской!
И вновь надежды и мечты,
Желанной вести ожиданье,
Осенней вьюги завыванье
И дождь, и желтые листья!..
Прочь, дух сомненья ядовитый!
Пусть мрак сдвигается кругом,

Пусть льется дождь на нас сердитый,
Пусть буря стонет — переждем!
Не одолеет нас невзгода.
Стряслась беда — снесем беду!
Сыны великого народа,
Мы в нашу веруем звезду.
И проклят будь, чей дух смутится,
Чей в страхе побледнеет лик,
Кто малодушно усомнится
И дрогнет хоть единый миг!

II

После победы

Победа! На душе как будто легче стало.
Уж «завтра» не грозит стыдом или бедой.
Что ж медлим сбросить мы печали покрывало
И в шумной радости затеять пир горой?

Победа! Как давно и жадно этой вести
Мы ждали! День настал; что ж сердце не кипит
Ни страстным торжеством, ни упоением мести?
Какая тягота его еще томит?

Иль нам не верится? Иль жалко нам чего-то?
Иль душу возмутил борьбы кровавый след?
Иль обуяла нас безвременно дремота?
Иль славы ждем иной, иных хотим побед?

Кто скажет? Кто решит — то мудрость иль
безумье?

Грядущее для нас светло или темно?
Народа русского глубокое раздумье,
Как моря тишину, постигнуть мудрено.

РОДНАЯ*

Покинув Родину и дом, она пошла
Туда, куда текли все русския дружины.
Под ветхим рубищем в душе она несла
Бесценный клад любви, участия и кручины...
Уж скрылся позади рубеж земли родной.
Чу! слышен битвы гром, холмов дымятся

склоны:

Восторг отчаянной и дикой обороны
С редутов Гривицы и Плевны роковой
На русские полки огнем и смертью дышит;
Но чуткая любовь не грохот в битве слышит,
Не ей твердыни брать, не ей смирать врагов.
Мужичке-страннице иные внятны звуки,
Иной с побоищ к ней несется громкий зов —
Томящий жажды клик и вопли смертной муки.
И вот она в огне: визжит над ней картечь,
Рои летают пуль, гранаты с треском рвутся,
Увечья, раны, смерть! Но ей ли жизнь беречь?
Кругом мольбы и стон — и реки крови льются!
Страдальцев из огня, из схватки боевой,
Она уносит прочь, полна чудесной силы,
И жаждущих поит студеною водой,
И роет мертвецам с молитвою могилы.
Как звать ее? Бог весть, да и не всё ль равно?
Луч славы над ее не блещет головою,
Одно ей прозвище негромкое дано:
Герои русские зовут ее «родною».

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ
БЛОК

(1880—1921)

НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ*

1

Река раскинулась. Течет, грустит лениво
И моет берега.

Над скудной глиной желтого обрыва
В степи грустят стога.

О, Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь!

Наш путь — стрелой татарской древней воли
Пронзил нам грудь.

Наш путь — степной, наш путь —
в тоске безбрежной.
В твоей тоске, о, Русь!

И даже мглы — ночной и зарубежной —
Я не боюсь.

Пусть ночь. Домчимся. Озарим кострами
Степную даль.

В степном дыму блеснет святое знамя
И ханской сабли сталь...

И вечный бой! Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль...
Летит, летит степная кобылица
И мнет ковыль...

И нет конца! Мелькают версты, кручи...
Останови!
Идут, идут испуганные тучи,
Закат в крови!

Закат в крови! Из сердца кровь струится!
Плачь, сердце, плачь...
Покоя нет! Степная кобылица
Несется вскачь!

4

Опять с вековой тоскою
Пригнулись к земле ковыли.
Опять за туманной рекою
Ты кличешь меня издали...

Умчались, пропали без вести
Степных кобылиц табуны,
Развязаны дикие страсти
Под игом ущербной луны.

И я с вековой тоскою,
Как волк под ущербной луной,
Не знаю, что делать с собою.
Куда мне лететь за тобой!

Я слушаю рокоты сечи
И трубные крики татар,
Я вижу над Русью далече
Широкий и тихий пожар.

Объятый тоскою могучей,
Я рыщу на белом коне...
Встречаются вольные тучи
Во мглистой ночной вышине.

Вздываются светлые мысли
В растерзанном сердце моем,
И падают светлые мысли,
Сожженные темным огнем...

«Явись, мое дивное диво!
Быть светлым меня научи!»
Вздывается конская грива...
За ветром зывают мечи...

ВАЛЕРИЙ ЯКОВЛЕВИЧ
БРЮСОВ

(1873—1924)

ОСВОБОЖДЕННАЯ РОССИЯ

(Отрывок)

Освобожденная Россия —
Какие дивные слова!
В них пробужденная стихия
Народной гордости — жива!
Как много раз в былые годы
Мы различали властный зов:
Зов обновленья и свободы,
Стон — вызов будущих веков!..

И тем, кто в том работал, — слава!
Недаром жертвы без числа
Россия в дни борьбы кровавой
И в дни былого принесла!
Недаром сгибли сотни жизней
На плахе, в тюрьмах и в снегах!
Их смертный стон был гимн Отчизне,
Их подвиг оживет в веках!

Как те, и наше поколенье
Свой долг исполнило вполне,

Блажен, въявь видевший мгновенья,
Что прежде грезились во сне!
Воплощены сны вековые
Всех лучших, всех живых сердец:
Преображенная Россия
Свободной стала — наконец!

ЗАВЕТ СВЯТОСЛАВА

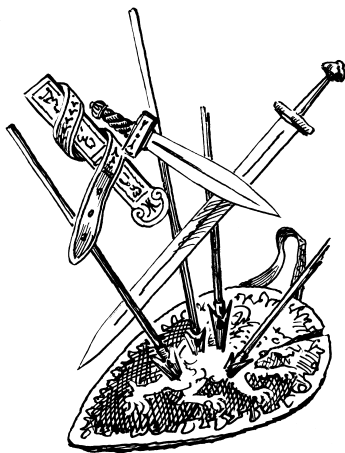
По знакомой дороге назад
Возвращались полки Святослава.
Потрясен был надменный Царьград,
Над героями реяла слава,
Близки были родимой земли,
И равнины и мощные реки...
Но в горах на путях залегли,
Поджидая, коварные греки.

И, шеломы врагов опознав
По холмам и утесам соседним,
Так дружине сказал Святослав:
«Видно, день — биться боем последним!
Пусть враги нас порубят, побьют,
Пусть обратно добычу отымут, —
Но певцы по нас славу споют,
Ибо мертвые сраму не ймут!»

И рубились они до конца,
Полегли до последнего в поле;
Не осталось в живых и певца,
Чтобы спеть о губительной доле.
Сгиб в траве Святослава скелет,

Вихрем выветрен, ливнями вымыт...
Но поет ему славу поэт,
Ибо мертвые сраму не ймут.

В наши грозные, тяжкие дни
Вспомним снова завет Святослава!
Как во тьме путевые огни,
Веку новому — прошлого слава!
Уступает народу народ
Города, и равнины, и реки, —
Только доблесть бессмертно живет,
Ибо храбрые славны вовеки!

КОММЕНТАРИИ

В настоящий сборник вошли избранные стихотворения поэтов XVIII—XIX веков, посвященные военной и патриотической темам. Стихотворения расположены по хронологическому принципу.

Объяснения устаревших и трудных слов, мифологических имен и названий даны в словаре.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

С. 21. **Слово о полку Игореве.** — Произведение древнерусской литературы XII в. повествует о походе князя Игоря Святославича на половцев в 1185 г., открывает славные страницы описаний исторических битв России во имя защиты Отчизны. Представлено в поэтическом переложении В. А. Жуковского (1783—1852).

Игорь Святославич (1150—1202) в 1180—1198 гг. княжил в Новгороде-Северском, в 1198—1202 гг. владел Черниговским княжеством. *Боян* — древнерусский певец-поэт, жил, видимо, во второй половине XI в. Он прославлял русских князей своими песнями-славками, сопровождая их исполнение игрой на гусях. *Брань* —

война, битва, бой. *Старый Ярослав* — Ярослав Мудрый (ок. 978—1054), великий князь киевский. *Храбрый Мстислав* — Мстислав Владимирович (?—1036), князь тмутараканский и черниговский. *Редéдя* — князь касогов. В 1022 г. побежден в поединке тмутараканским князем Мстиславом Владимировичем. *Перед полками касожскими*. — Касоги — племя, населявшее область Северного Кавказа. *Роман Святославич* (?—1079) — князь тмутараканский. *Старый Владимир* — Владимир I (?—1015) — князь новгородский, киевский. При нем древнерусское государство вступило в период своего расцвета, усилился международный авторитет Руси. *Рыща тропюю Трояновой*. — Троян — языческий бог. Исходя из этого, «рыща тропюю Трояновой» — «носясь по божественным путям». *Велес* (Волос) — «скотий бог» языческой Руси, то есть покровитель хозяйства, прежде всего скотоводства, считался покровителем простого люда: купцов, крестьян, ремесленников. Покровительствовал он и певцам-поэтам. *Сула* — приток Днепра. *Путивль* — древнерусский город, впервые упоминается в 1146 г. *Всеволод* — Всеволод Святославич (?—1196) — князь курский и трубчевский. Участвовал в княжеских усобицах и в борьбе с половцами.

М. В. ЛОМОНОСОВ

С. 24. *Ода... на взятие Хотина 1739 года*. — Написана М. В. Ломоносовым в Германии и прислана в Академию наук вместе с «Письмом о правилах российского стихотворства». Ода посвящена взя-

тию русскими войсками 19 августа 1739 г. турецкой крепости Хотин во время Русско-турецкой войны 1735—1739 гг. В. Г. Белинский считал, что эта ода положила начало новой русской литературе.

Восторг внезапный — поэтический восторг, ликование, вдохновение, возникшее под влиянием патриотических чувств. После смерти Петра I в Европе считалось, что военное искусство в России пришло в упадок. Победа при Хотине развеяла эти мнения. *Верх горы высокой...* — см. Парнас. *Ключ молчит...* — см. Кастаньский ключ. *Чистых сестр...* — то есть муз. *Врачебной дали мне воды... росой Кастаньской...* — см. Кастаньский ключ. *Заднестрской тать* — здесь: татары, разорявшие своими набегами украинские земли.

Г. Р. ДЕРЖАВИН

С. 29. **На взятие Измаила.** — Посвящено подвигу русского воинства, которое в ходе Русско-турецкой войны 1787—1791 гг. под предводительством А. В. Суворова взяло 11 декабря 1790 г. крепость Измаил, ранее считавшуюся неприступной.

Всяк Курций, Деций, Буароз!.. — В «Объяснениях Державина к своим сочинениям» по поводу этого стихотворения читаем: «Первый — всадник римский, бросившийся в разверстую бездну, чтоб утишить моровое поветрие в Риме; второй — полководец римский, бросившийся в первые ряды, дабы смешать и победить неприятеля; третий — капитан французской службы, вошедший по веревке во время бури на скалу в 80 сажен вышиною и тем взявший крепость».

И. И. ДМИТРИЕВ

С. 32. **Освобождение Москвы.** — Опубликовано в 1797 г. под заглавием «Пожарский». Дмитриев называл это стихотворение поэмкой. «Она давно бродила у меня в голове; но я откладывал приняться за нее до приезда моего в Сызрань, в надежде насладиться там опять пиитическою жизнью; судьба расположила иначе: пожар истребил город (лето 1795 г.), остались только следы нашего дома. Отец мой принужден был съехать на жилье в свою деревню, в двадцати пяти верстах от города, и там-то написаны были „Освобождение Москвы“ и „Послание Карамзину“, написаны в ветхом и тесном доме, в продолжении жестокой болезни сестры моей, пронзительный вопль ее почти каждый день, раздирая мне сердце, заставлял бросать перо и бежать из дома».

Освобождение Москвы было осуществлено войсками народного ополчения под командованием князя Д. М. Пожарского (1578—1642) осенью 1612 г.

Цитерские узы — любовные узы; *Цитера* — одно из прозвищ богини любви и красоты Афродиты. *Сармат.* — В XVIII—XIX вв. слово «сарматы» часто употреблялось в поэтическом языке в значении «поляки».

После освобождения Москвы от интервентов Земский собор избрал на царство семнадцатилетнего Михаила Федоровича Романова (1596—1645) — первого царя из династии Романовых. Пожарский участвовал в этом избрании.

Н. М. КАРАМЗИН

С. 38. К Отчеству. — *Кодр* — по преданию, последний царь Аттики (XII—XI вв. до н. э.). Он добровольно отправился на смерть в лагерь неприятелей-дорийцев, чтобы спасти Аттику от завоевания. *Леонид* (508 или 507 — 480 до н. э.) — спартанский царь. Погиб в сражении с персами, прикрывая с небольшим отрядом спартанцев отступление возглавляемого им греческого войска. Отсюда в античных преданиях Кронид и Леонид — образцы патриотов, воинов.

И. А. КРЫЛОВ

С. 39. Волк на псарне. — Басня представляет собой важнейший из откликов Крылова на Отечественную войну 1812 г. В образах Ловчего и Волка изображены М. И. Кутузов (1745—1813) и Наполеон (1769—1821). Поводом к написанию басни явились попытки Наполеона, находившегося в Москве, в конце сентября 1812 г. заключить выгодный для престижа его армии мир. Эти попытки делались как лично французским императором, так и через его посла, Лористона, миссия которого, предпринятая 23 сентября (5 октября) 1812 г., оказалась неудачной: Кутузов отказался вести мирные переговоры. После сражения под Красным Кутузов прочитал окружившим его офицерам только что полученную из Петербурга рукопись басни.

С. 40. Ворона и Курица. — В басне раскрыта тактика Кутузова в дни контрнаступления. Под Вороной подразумевался Наполеон.

Когда Смоленский князь... — Титул князя смоленского был присвоен М. И. Голенищеву-Кутузову после победоносного сражения под Красным (6 ноября 1812 г.).

С. Н. ГЛИНКА

С. 43. Стихи генералу Раевскому. — Стихи посвящены известному подвигу Н. Н. Раевского (1771—1829), который, по рассказам современников, привел на поле боя семнадцатилетнего Александра и одиннадцатилетнего Николая Раевских. Об этом писали В. А. Жуковский («Певец во стане русских воинов») и А. С. Пушкин («О некрологии генерала от кавалерии Н. Н. Раевского»). Автор в примечании к стихотворению так высказывался об этом подвиге: «Никогда, никогда никакое русское сердце не забудет слов героя Раевского, который с двумя своими юными сынами, став впереди русских воинов, вещал: „Вперед, ребята, за веру и за Отечество! Я и дети мои, коих приношу в жертву, откроем вам путь“». Раевский, однако, отрицал этот факт.

Не страшен россам к смерти путь... — К этому месту С. Н. Глинка дал примечание: «Рассказывают, что, когда полки генерала Дохтурова пришли на смену утомленным воинам генерала Раевского, сий последний сказал: „Мы не устали; дайте нам биться, рады все умереть!“»

Д. В. ДАВЫДОВ

С. 45. **Ответ.** — Адресат неизвестен.

Партизан (Отрывок). — В стихотворении изображены партизанские набеги самого Д. В. Давыдова в 1812 г.

...за преградной Нарой... — На берегу реки Нары под Москвой было приостановлено наступление французской армии в 1812 г.

С. 48. **Бородинское поле.** — Элегия стала предметом широкого обсуждения в пушкинском литературном кругу. По ее поводу высказали мнения Жуковский, Баратынский, Вяземский. Современники заметили неподдельный пафос негодования, сорвавшийся с уст Д. Давыдова.

Вождь гомерический, Багратион великий! — Гомерический — то есть подобный легендарным героям Гомера. Давыдов называл Багратиона «Ахиллом Наполеоновских войн» (по имени Ахилла — героя «Илиады» Гомера). Князь Петр Иванович Багратион (1765—1812) командовал в Отечественную войну 2-й Западной армией, тяжело ранен в Бородинском сражении, умер от гангрены. Был командиром Давыдова, который, высоко ценя его, много писал о нем и собирался создать его биографию. В 1839 г. Давыдов ходатайствовал о перезахоронении Багратиона на Бородинском поле и получил разрешение. Его назначили командиром почетного конвоя, который должен был сопровождать гроб Багратиона к месту его нового упокоения. Однако, вследствие внезапной смерти, Давыдову не удалось исполнить своего намерения.

Раевский — см. с. 164. Давыдов сражался под начальством Раевского, который к тому же приходился ему родственником. *Ермолов* — см. с. 167.

В. А. ЖУКОВСКИЙ

С.50. Певец во стане русских воинов. — В первой публикации («Вестник Европы», 1812, № 23 и 24, декабрь) сделано примечание: «Писано после отдачи Москвы перед сражением при Тарутине». Ко второму, отдельному изданию «Певца...» (1813), Жуковский и его друг, критик Д. В. Дашков (1788—1839), сделали примечания, которые отчасти используются в настоящем издании с указанием: (*примеч.*).

Святослав — великий князь киевский (?—972), сын великого князя киевского Игоря (?—945). «*Погибнем! мертвым срама нет!*» — «Древние летописи сохранили нам краткую, но сильную речь великого князя Святослава Игоревича к его воинам на походе против греков. „Не посрамят земли русския, — сказал он, — ляжем зде костями, мертвии бо сраму не имут!“ Воины, одушевленные словами и примером вождя, устремились на многочисленного неприятеля и одержали победу» (*примеч.*). *Донской, с четой двух соименных...* — «Великий князь Дмитрий Иоаннович (Дмитрий Донской, 1350—1389. — В. К.) избавитель России от постыдного рабства... Он положил первое основание могуществу России, утвержденному потом великой четой соименных (Иоаннами III и IV) и вознесенному на высочайшую степень Петром и августейшими его преемниками» (*примеч.*). *В лесу с*

твоим сарматом... — Имеется в виду украинский гетман Мазепа (1644—1709), изменивший Петру I и бежавший вместе с Карлом XII после разгрома шведской армии в Полтавской битве (1709). *Хвала тебе, наш бодрый вождь...* — Имеется в виду генерал-фельдмаршал Михаил Илларионович Кутузов. *О, сколь с израненным челом...* — В сражении при реке Кагул (1770) Кутузов был ранен турецкой пулей, которая вошла в левый висок и вышла у правого глаза. *О диво! се орел пронзил над ним небес равнины...* — В первой публикации к этим стихам дано примечание: «Сказывают, что в самую ту минуту, когда главнокомандующий, приехавший к армии, выходил из своей кареты, орел показался на высоте; полководец снял перед ним шляпу; войска закричали „ура!“». *Ермолов, витязь юный...* — Алексей Петрович Ермолов (1777—1861), русский генерал, командовал при Бородине левым флангом, впоследствии главнокомандующий на Кавказе. *Раевский, слава наших дней...* — О Н. Н. Раевском, который командовал «Курганной» батареей («батарея Раевского») в Бородинском сражении, его сыновьях А. Н. Раевском (1795—1868) и Н. Н. Раевском (1801—1843), см. с. 164. *Милорадович* — М. А. Милорадович (1771—1825), генерал, ученик Суворова, видный участник Бородинского сражения и всей кампании 1812 г. *Витгенштейн* — П. Х. Витгенштейн (1769—1843), генерал, командовал корпусом, защищавшим Петербург от французских войск. *Коновницын* — П. П. Коновницын (1764—1822), генерал, ближайший помощник Кутузова. После ранения Багратиона принял на себя командова-

ние армией Багратиона. *Платов* — М. И. Платов (1751—1818), атаман донских казаков, совершивший в битве при Бородине знаменитый рейд в тыл левого фланга французской армии. *Нестор* — *Беннингсон* — Л. Л. Беннигсен (1745—1826), генерал, начальник штаба Кутузова; назван Нестором по имени старейшего вождя греков в Троянской войне, описанной в «Илиаде» Гомера (по возрасту был старейшим среди генералов — участников Отечественной войны 1812 г.). *Остерман* — А. И. Остерман-Толстой (1770—1857). А. П. Торماسов (1752—1819), К. Ф. Багговут (1761—1812), Д. С. Дохтуров (1756—1816), П. П. Пален (1778—1864) — генералы, участники Бородинского сражения. *Строганов* — П. А. Строганов (1772—1817) — генерал, участник Отечественной войны 1812 г. *Воронцов... стрела в бесстрашного вонзилась...* — Речь идет о М. С. Воронцове (1782—1856), который был ранен в Бородинском бою. *Щербатов... он сетует душой о трате незабвенной.* — Имеется в виду А. Г. Щербатов (1777—1848), который незадолго до сражения лишился жены, доводившейся сестрой приятелю Жуковского, П. А. Вяземскому. *Хвала бестрепетных вождем!* — «Вождями бестрепетных названы здесь партизаны, которые в прошедшую войну, особенно в кампанию 1812 г., много способствовали к истреблению неприятеля» (примеч.). *Наш Фигнер старцем в стан врагов...* — А. С. Фигнер (1787—1813) руководил партизанским отрядом, умелый разведчик. Переодеваясь в разные костюмы, проникал в тыл французов. *Сеславин* — А. Н. Сеславин (1780—1858), партизан, командир отряда. *Давы-*

дов — Д. В. Давыдов (1784—1839), инициатор партизанских действий, его отряд успешно действовал в тылу французской армии. *Кудашев* — Н. Д. Кудашев (1784—1813), командир партизанского отряда, зять М. И. Кутузова. *Чернышов* — А. И. Чернышёв (1786—1857), генерал, командовал партизанским отрядом, впоследствии военный министр. *Орлов* — В. В. Орлов-Денисов (1775—1843), казачий генерал, отличился в бою при Тарутине. *Кайсаров*. — Какой именно Кайсаров имеется в виду, точно не установлено. Речь могла идти либо о П. С. Кайсарове (1783—1844), генерале штаба М. И. Кутузова, либо о его брате, А. С. Кайсарове (1782—1813), товарище Жуковского по университетскому Благородному пансиону, профессоре Дерптского университета, который добровольно вступил в армию и был убит 14 мая 1813 г. под Ганау. *Кульнев* — Я. П. Кульнев (1763—1812), кавалерийский генерал, убитый в бою под селом Клястицы. *Где жизнь судьба ему дала, там брань его сразила...* — «Кульнев убит в 30 верстах от местечка Люцина, где жила его мать и где провел он свое младенчество» (примеч.). *Кутайсов* — А. И. Кутайсов (1784—1812), генерал, в Бородинском бою командовал артиллерией. *Он в область храбрых воспарил, к тебе, отец Суворов.* — «По мифологии северных народов, витязи, сраженные во бранях, переселялись в Валгаллу, к отцу своему Одну. Стихотворец заменил здесь баснословного Одена бессмертным Суворовым» (примеч.). *О радость древних лет, Боян!* — «Автор соглашается здесь с мнением некоторых писателей, приемлющих Бояна за великого стихотворца, который процветал во мрачные

времена истории нашей и, подобно греческому Тиртею, возбуждал песнями своими мужество славянских воинов» (*примеч.*). *Петру возник среди снегов певец — податель славы...* — Имеется в виду М. В. Ломоносов (1711—1765). *Честь Задунайскому — Петров...* — В. П. Петров (1736—1799) — поэт, автор многих од, в том числе воспел в одах победы над турками генерал-фельдмаршала П. А. Румянцева-Задунайского (1725—1796).

Ф. Н. ГЛИНКА

С. 79. *Песнь сторожевого воина...* — *Колоча* — приток Москвы-реки. На его берегах русские войска под командованием П. П. Коновницына задержали продвижение французской армии.

С. 80. *Авангардная песнь.* — *Милорадович* — см. с. 167. Во время войны 1812 г. Ф. Н. Глинка был у него адъютантом.

К. Н. БАТЮШКОВ

С. 82. *К Дашкову.* — Написано под впечатлением от разоренной Москвы. Жители, покидая город из-за наступления французских войск, предали свои дома огню. Обращено к Дмитрию Владимировичу Дашкову (1788—1839) — арзамасцу, приятелю Батюшкова, видному государственному деятелю.

Армида — прекрасная волшебница в поэме итальянского поэта Торквато Тассо (1544—1595) «Освобожденный Иерусалим»; нарицательное имя коварной оболъстительницы. *Пока с изранен-*

ным героем... — Как указал сам Батюшков, имеется в виду генерал А. Н. Бахметев, потерявший ногу в Бородинском сражении; поэт был назначен к нему адъютантом.

С. 84. Переход через Рейн. — Русские войска перешли через реку Рейн во время похода на Париж в 1814 г.

Герман. — Имеется в виду Арминий, вождь древних германцев, победоносно сражавшийся с римлянами. *Кесарь* — римский император Гай Юлий Цезарь (102—44 до н. э.). *Тевтонские* — германские. *Аттила новый* — Наполеон; Аттила (?—453 г.) — предводитель гуннов. Возглавлял опустошительные походы в Восточную Римскую империю, Галлию, Северную Италию. *Улея* — река Улео в Финляндии. *Ангел мирный* — жена Александра I, баденская принцесса, родившаяся на берегах Рейна. *Маккавеи* — библейские тираноборцы, в переносном смысле — бестрепетные борники веры. Здесь: русские войска.

В. Ф. РАЕВСКИЙ

С. 91. Песнь воинов перед сражением. — *Хищный тать* — Наполеон. *Старец вождь* — М. И. Кутузов. *Новый Ксеркс* — Наполеон; Ксеркс I (?—465 г. до н. э.) — царь государства Ахеменидов. Возглавлял поход персов в Грецию, окончившийся поражением. *Батый* (1208—1255) — монгольский хан, основатель Золотой Орды, от ига которой Русь избавилась в XV в. *Шведов рок...* — Имеется в виду поражение шведов в Полтавской битве (1709). *Жуковский в струны загре-*

мит... — Речь идет о стихотворении Жуковского «Певец во стане русских воинов».

К. Ф. РЫЛЕЕВ

С. 94. **А. П. Ермолову.** — Написано в связи с распространявшимися слухами о том, что А. П. Ермолов (1777—1861), герой Отечественной войны 1812 г., назначается командующим русской армией, которая выступит против турок и в поддержку восставшей за свою независимость Греции. Однако слухи эти не оправдались. А. П. Ермолов был популярен среди декабристов и оппозиционно настроенных дворян; декабристы прочили его членом будущего Временного правительства.

Фемистокл (ок. 525 — ок. 460 до н. э.) — древнегреческий политический деятель и полководец, прославился победами над персами.

С. 95. **Димитрий Донской.** — Источниками думы послужили «История государства Российского» Н. М. Карамзина, «Речь Димитрия Донского перед сражением на Куликовском поле» Ивана Ламанского, трагедия «Димитрий Донской» В. А. Озерова и поэма «Руслан и Людмила» А. С. Пушкина (описание битвы).

Сергий. — Имеется в виду Сергий Радонежский (1314—1392) — основатель и игумен Троице-Сергиева монастыря. Поддерживал объединительную и национально-освободительную политику Дмитрия Донского. *Лежит, низвергнув великана, отважный инок Пересвет.* — Имеется в виду монах Троице-Сергиева монастыря Александр Пересвет. Перед началом Куликовской битвы (1380) Пере-

свет сразился на поединке с татарским богатырем Темир-мурзой (Челибеем). Согласно легенде, они столкнулись с такой силой, что оба пали мертвыми. *Белозерский князь и чада...* — то есть князь Ф. Р. Белозерский и его воины. Федор Белозерский сражался вместе с сыном Иваном; оба погибли в Куликовской битве. *Черный стяг* с золотым образом Спасителя (Христа) — знамя Московского князя. *Волынский* — князь Боброк-Волынский Дмитрий Михайлович, русский воевода (вторая половина XIV в.); внезапное появление его и его воинов из засады решило победоносный исход Куликовского сражения.

А. С. ПУШКИН

С. 100. *Воспоминания в Царском Селе.* — При первой публикации стихотворение было снабжено примечанием: «За доставление сего подарка благодарим искренно родственников поэта, талант которого так много обещает». Под этим стихотворением впервые была поставлена полная подпись поэта: «Александр Пушкин». Стихотворение написано по предложению профессора Галича при переходных экзаменах с младшего курса на старший. Оно было прочитано на экзамене 8 января 1815 г. при стечении многочисленных гостей, среди которых находился Державин.

...*В тихом озере...* — имеется в виду большой пруд в Царскосельском парке. *Огромные чертоги* — Екатерининский дворец с примыкающей Камероновой галереей. ...*Под скипетром великия жены...* — Имеется в виду Екатерина II

(1729—1796). *Вознесся памятник* — Чесменская колонна, посвященная победе над турецким флотом в Чесменском бою (1770) и других сражениях Русско-турецкой войны 1768—1774 гг. *Памятник простой* — Кагульский обелиск, сооруженный в память победы над главными силами турецкой армии при реке Кагул (1770). *Орлов* — А. Г. Орлов (1737—1808), русский государственный деятель, главнокомандующий русской эскадрой при разгроме турецкого флота в бухте Чесма Эгейского моря. *Румянцев* — см. с. 170. *Петров* — см. там же. *Воитель поседельй* — М. И. Кутузов. ...*С оливою златой* — то есть с миром; олива — символ мира. *Скальд России вдохновенный* — В. А. Жуковский как автор «Певца во стане русских воинов».

С. 106. *Полтава (Отрывок)*. — *Уходит Розен сквозь теснины; сдается пылкий Шлипенбах...* — Шведские генералы в начале сражения атаковали слабо укрепленный пункт русских войск. Однако сильные фланговые удары заставили Розена сначала отступить, а затем сдать-ся. Отряд В. А. Шлипенбаха (ок. 1650—1739), отрезанный русскими войсками, также вынужден был сложить оружие. *Шереметев* — граф Б. П. Шереметев (1652—1719), генерал-фельдмаршал, командовал пехотой русской армии; государственный деятель и ученый Я. В. Брюс (1670—1735) — артиллерией; генерал от кавалерии Р. Х. Боур (1667—1717) — правым флангом; князь А. И. Репнин (1668—1726) — центром. *Полудержавный властелин* — князь А. Д. Меншиков (1673—1729), ближайший сподвижник и люби-

мец Петра I, командовал левым флангом, который сыграл решающую роль в Полтавском сражении (1709). *Карл* — Карл XII (1682—1718) — король Швеции.

А. А. ДЕЛЬВИГ

С. 114. **Сонет** («Что вдали блеснуло и дымится?..»). — В предисловии редактора альманаха сказано: «Сонет российскому флоту, написанный в Ревеле в 1827 году, до самой кончины поэта был тайною даже для друзей его».

Е. А. БАРАТЫНСКИЙ

С. 115. **К*** при отъезде в армию.** — Посвящено брату поэта, Ираклию Абрамовичу Баратынскому (1802—1859).

С. 116. **Д. Давыдову.** — В прижизненных изданиях подверглось цензурным искажениям. Обращено к Д. В. Давыдову (1784—1839), поэту-гусару, герою Отечественной войны 1812 г. Давыдов хлопотал о производстве Баратынского в офицеры и дважды обращался к А. А. Закревскому с личным ручательством за поэта.

В народе славной бородой! — В 1812 г., будучи партизаном, Д. В. Давыдов носил бороду.

Н. М. ЯЗЫКОВ

С. 117. **Д. В. Давыдову.** — Послание было высоко оценено современниками. Д. В. Давыдов отвечал Языкову: «Вы меня мчите в поднебесную, как

орел голубя. Что за стих! Что за прелесть! И мощно и торжественно...» По воспоминаниям Н. В. Гоголя, стихотворением был восхищен Пушкин. «Живо помню восторг его [Пушкина] в то время, когда прочитал он стихотворение к Давыдову, напечатанное в журнале. В первый раз увидел я тогда слезы на лице Пушкина».

Два венка — слава поэта и воина. Суворов... грудь тебе перекрестил... — В «Автобиографии» Давыдов писал о том, что Суворов предсказал тринадцатилетнему Давыдову военную славу и благословил его. *Удальцов твоих налетом...* — В 1812 г. Давыдов был одним из организаторов и руководителей партизанского движения.

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

С. 121. **Два великана.** — Написано, видимо, в связи с 20-летием Отечественной войны 1812 г. В аллегорической форме Лермонтов изобразил поражение Наполеона и его ссылку на остров Св. Елены.

Трехнедельный удалец. — Речь идет о Наполеоне. В течение трех недель он изгнал Бурбонов и восстановил свою власть над Францией.

С. 122. **Бородино.** — Стихотворение написано к 25-й годовщине Бородинской битвы — одного из наиболее драматических и важных моментов войны. К Бородинскому сражению Лермонтов обращался еще в раннем стихотворении — «Поле Бородина», на основе которого и было создано глубоко народное по форме и по содержанию стихотворение «Бородино». В этом стихотворении

отразились его размышления о роли народа в великом событии национальной истории. Белинский считал, что идея «Бородино» — «жалоба на настоящее поколение, дремлющее в бездействии, зависть к великому прошедшему, столь полному славы и великих дел... Это стихотворение отличается простотою, безыскусственностью: в каждом слове слышите солдата, язык которого, не переставая быть грубо-простодушным, в то же время благороден, силен и полон поэзии».

С. 127. **Родина.** — В. Г. Белинский 13 марта 1841 г. писал В. П. Боткину: «Лермонтов еще в Питере. Если будет напечатана его „Родина“ — то, Аллах керим, — что за вещь — пушкинская, т. е. одна из лучших пушкинских». Точку зрения Белинского развил Н. А. Добролюбов в статье «О степени участия народности в развитии русской литературы»: «Лермонтов... обладал, конечно, громадным талантом и, умевши рано постичь недостатки современного общества, умел понять и то, что спасение от этого ложного пути находится только в народе. Доказательством служит его удивительное стихотворение „Родина“, в котором он... понимает любовь к Отечеству истинно, свято и разумно».

Н. А. НЕКРАСОВ

С. 132. 14 июня 1854 года. — Дата в заглавии — день появления англо-французского флота вблизи Кронштадта (между Толбухиным маяком и Красной Горкой).

Исконные, кровавые враги, соединясь, идут против России... — Имеются в виду англичане,

французы и турки, которые в марте 1854 г. объединились для совместного вторжения в Россию. ...*Стоят перед укрепленной русскою твердыней...* — то есть перед крепостью Кронштадт. *Два жребия* — гибель и победа.

А. А. ФЕТ

С. 134. **Севастопольское братское кладбище.** — Братское кладбище участников севастопольской обороны 1854—1855 гг. Фет посетил его в 1879 г. О своем впечатлении он писал: «Нигде и никогда я не испытывал того подъема духа, который так мощно овладел мною на братском кладбище. Это тот самый геройский дух, отрешенный от всяких личных стремлений, который носится над полем битвы и один способен стать предметом героической песни».

А. К. ТОЛСТОЙ

С. 138. «*В колокол, мирно дремавший, с налета тяжелая бомба...*» — Возможно, в стихотворении запечатлен действительный случай, произошедший во время Крымской войны (1853—1856). Положено на музыку Ц. А. Кюи.

И. С. НИКИТИН

С. 143. **На взятие Карса.** — Во время Русско-турецкой войны (1877—1878) русские войска штурмом взяли Карс — турецкую крепость.

А. Н. АПУХТИН

С. 146. **Солдатская песня о Севастополе.** — *Очаков.* — Речь идет об осаде турецкой крепости Очаков русскими войсками во время Русско-турецкой войны 1735—1739 гг. *Как сходили враги без числа с кораблей.* — Во время Крымской войны 1853—1856 гг. России противостояла коалиция Англии, Франции, Турции и Сардинии. *И одиннадцать месяцев длилась резня...* — Героическая оборона Севастополя (1854—1855) сковала главные силы врага.

А. А. ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ

С. 152. **Родная.** — Стихотворение посвящено подвигу русских женщин, которые в качестве сестер милосердия отправлялись в Болгарию во время Русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

Гривица — город в Румынии. *Плевна* — город в Болгарии, где с 8 июля по 28 ноября 1877 г. шли упорные бои русских войск и болгарского ополчения против турецких войск. 28 ноября 1877 г. турецкие войска сдались, и Плевна была освобождена от турецкого ига.

А. А. БЛОК

С. 153. **На поле Куликовом.** — В этот цикл, помещенный в состав более обширного — «Родина», вошли пять стихотворений. В данном издании печатаются два (1 и 4). Блок придал отраженным в цикле историческим событиям современное зна-

чение и звучание. Он сопровождал публикацию примечанием: «Куликовская битва принадлежит, по убеждению автора, к символическим событиям русской истории. Таким событиям суждено возвращение. Разгадка их еще впереди». Куликовская битва занимала видное место в размышлениях поэта о судьбах России, народе и интеллигенции, о грядущей революции.

СЛОВАРЬ
мифологических имен и названий, устаревших
и трудных слов

А л к á т ь — сильно желать, жаждать.

А р é й — бог войны (*гр. миф.*).

А ф р о д í т а — богиня любви и красоты (*гр. миф.*).

Б а р д — поэт-певец у древних кельтов.

Б е л л ó н а — богиня войны (*рим. миф.*).

Б е л ь т — пролив в Балтийском море.

Б е р д ы ш — старинное холодное оружие, боевой топор с лезвием в виде вытянутого полумесяца, насаженный на длинное древко.

Б р а з д ы — узда, удила.

В е р í г и — оковы, кандалы, тяжелые цепи.

В е р т о г р á д — сад.

В е с ь, в é с и — село, деревня.

В е т р í л о — парус.

В ы я — шея.

Г а л л — француз (в языке поэзии).

Д е с н í ц а — правая рука.
Д л а н ь — ладонь, кисть руки.
Д н е с ь — ныне, теперь, сегодня.

З е в с — верховный бог, повелитель грома и молнии (*гр. миф.*).

К а с т á л ь с к и й к л ю ч — источник поэтического вдохновения, посвященный богу Аполлону, покровителю искусств, и музам, обитавшим на Парнасе (*гр. миф.*).

К í в е р — военный головной убор.
К л и р — церковный хор.

Л е п о т á — красота, великолепие.
Л о в í т в а — ловля, охота.

М а р с — бог войны (*рим. миф.*).
М и н é р в а — богиня мудрости (*рим. миф.*).
М и р т — южное вечнозеленое дерево или кустарник с белыми душистыми цветками.
М ú з ы — богини-покровительницы поэзии, искусств, наук (*гр. миф.*).

Н а т ú р а — природа.
Н а я д ы — нимфы вод (*гр. миф.*).

П а л л á д а — прозвище богини мудрости Афины, которая считалась и богиней-воительницей (*гр. миф.*).

П а р н á с — горный массив в Греции; обиталище бога Аполлона и муз (*гр. миф.*).

П á ч е — больше, более.

П е т р ó п о л ь — Петербург.

П е р м é с с к и й ж а р — вдохновение, поэтическое вдохновение; Пермéсс — река в Греции, на ее берегах обитали музы (*гр. миф.*).

П é р с и — грудь (преимущественно женская).

П е р ú н ы — громы; Перúн — бог грома и молнии, покровитель воинов (*слав. миф.*).

П и н д — горный хребет в Греции, владения бога Аполлона (*гр. миф.*); в переносном смысле — приют поэзии.

П ó ш е в н и — широкие сани.

Р á т а й — воин.

С к а л ь д — поэт-певец у древних скандинавов.

С о н м — скопище, толпа.

С о п о с т á т (супостát) — противник, недруг.

С р é т е н и е — встреча.

С т ó г н ы — площади, широкие улицы.

Т а т ь — вор.

Ф é н и к с — сказочная птица; согласно одной из версий греческой мифологии, достигнув старости, Феникс сжигает себя и возрождается из пепла молодой и обновленной. В современном языке Феникс — символ вечного обновления, возрождения.

Ф и á л — бокал, кубок (*поэт.*).

Х а р í т ы — три богини — красоты, радости и изящества (*гр. миф.*).

Х о р ú г в ь — здесь: боевое знамя войска.

Ц а р ь г р á д — древнерусское название Константинополя, столицы Византийской империи. Константинополь был основан великим римским императором Константином I в 324—330 гг. В 1453 г. город был взят турками, переименован в Стамбул.

Ц е в н í ц а — свирель.

Ц и р ц é я — волшебница из «Одиссеи» Гомера, превратившая спутников Одиссея в свиней, а его самого удерживавшая на своем острове в течение года; нарицательное имя коварной обольстительницы.

Ш е л ó м — шлем.

Э л í з и у м — загробный мир, где блаженствуют праведники (*гр. миф.*); место блаженства, рай (*поэт.*).

Э р é в (Эрэб) — олицетворение одного из начал мира — вечного мрака; самая мрачная часть подземного царства мертвых (*гр. миф.*).

СОДЕРЖАНИЕ

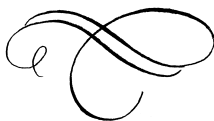
<i>В. Я. Коровина.</i> «Только доблесть бессмертно живет...»	5
Слово о полку Игореве (<i>Перевод В. А. Жуковского</i>)* ¹	21
М. В. ЛОМОНОСОВ. Ода блаженные памяти государыне императрице Анне Иоанновне на победу над турками и татарами и на взятие Хотина 1739 года*	24
А. П. СУМАРОКОВ. «Прости, моя любезная, мой свет, прости...»	27
Г. Р. ДЕРЖАВИН. На взятие Измаила*	29
И. И. ДМИТРИЕВ. Освобождение Москвы *	32
Н. М. КАРАМЗИН. К Отечеству	38
И. А. КРЫЛОВ. Волк на псарне	39
Ворона и Курица	40
Раздел	41
С. Н. ГЛИНКА. Другу русских	43
Стихи генералу Раевскому*	—
Д. В. ДАВЫДОВ. Ответ	45
Партизан (<i>Отрывок</i>)	—
Бородинское поле (<i>Элегия</i>)	48
А. И. ТУРГЕНЕВ. К Отечеству	49

---

¹ Произведения, помеченные знаком *, печатаются в сокращении.

В. А. ЖУКОВСКИЙ. Певец во стане русских воинов*	50
Ф. Н. ГЛИНКА. Военная песнь, написанная во время приближения неприятеля к Смоленской губернии	76
Солдатская песнь, сочиненная и петая во время соединения войск у города Смоленска в июле 1812 года	78
Песнь сторожевого воина перед Бородинскою битвою*	79
Авангардная песнь	80
К. Н. БАТЮШКОВ. К Дашкову	82
Переход через Рейн. 1814	84
В. Ф. РАЕВСКИЙ. Песнь воинов перед сражением	91
К. Ф. РЫЛЕЕВ. А. П. Ермолову	94
Димитрий Донской	95
А. С. ПУШКИН. Воспоминания в Царском Селе ...	100
Полтава (<i>Отрывок</i>)	106
Евгений Онегин (<i>Отрывок из VII главы</i>) ...	112
А. А. ДЕЛЬВИГ. Сонет («Что вдали блеснуло и дымится?..»)	114
Е. А. БАРАТЫНСКИЙ. К*** при отъезде в армию ...	115
Д. Давыдову («Пока с восторгом я умею...») ..	116
Н. М. ЯЗЫКОВ. Д. В. Давыдову («Жизни баловень счастливый...»)	117
М. Ю. ЛЕРМОНТОВ. Два великана	121
Бородино	122
Родина	127
В. Г. БЕНЕДИКТОВ. Бивак	129
Н. А. НЕКРАСОВ. 14 июня 1854 года	132
«Внимая ужасам войны...»	133
А. А. ФЕТ. Севастопольское братское кладбище ...	134

А. Н. МАЙКОВ. Сказание о 1812 годе	135
А. К. ТОЛСТОЙ. «В колокол, мирно дремавший, с налета тяжелая бомба...»	138
И. С. НИКИТИН. Русь*	139
На взятие Карса	143
В. И. БОГДАНОВ. Привет товарищам врачам по воз- вращении их с Балканского полуострова*	144
А. Н. АПУХТИН. Солдатская песня о Севастополе	146
А. А. ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ. Плевна	149
Родная*	152
А. А. БЛОК. На поле Куликовом*	153
1. «Река раскинулась. Течет, грустит лениво...» —	
4. «Опять с вековой тоскою...»	154
В. Я. БРЮСОВ. Освобожденная Россия (<i>Отрывок</i>)	156
Завет Святослава	157
<i>Комментарии</i>	159
<i>Словарь мифологических имен и названий, устарев-</i> <i>ших и трудных слов</i>	181

Литературно-художественное издание

СЕРИЯ «ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА»

ХРАБРЫЕ СЛАВНЫ ВОВЕКИ!

Стихотворения поэтов XVIII—XIX веков
о военной доблести русского народа

Ответственный редактор
Г. Е. Комракова

Художественный редактор
Е. М. Ларская

Технический редактор
Н. Г. Дреничева

Корректор
В. В. Борисова

Компьютерный дизайн обложки
М. В. Григоренко

Компьютерная верстка
В. И. Тушева

Подписано в печать 10.06.11. Формат 84x108 ¹/₃₂.
Бумага офсетная № 1. Шрифт «Школьный». Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,08.
Уч.-изд. л. 7,03. Тираж 5000 экз. Заказ .

Орден Трудового Красного Знамени и Дружбы народов
ОАО «Издательство «Детская литература».
125319, Москва, ул. Черняховского, 4
[www. detlit.ru](http://www.detlit.ru)